

Виктор Пелевин

Лампа Мафусаила,
или
Крайняя битва чекистов с масонами

ФТМ

Виктор Олегович Пелевин
Лампа Мафусаила,
или Крайняя битва
чекистов с масонами
Серия «Единственный и
неповторимый. Виктор Пелевин»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20834942

978-5-699-75467-0;

ISBN 978-5-699-91778-5

Аннотация

Как известно, сложное международное положение нашей страны объясняется острым конфликтом российского руководства с мировым масонством. Но мало кому понятны корни этого противостояния, его финансовая подоплека и оккультный смысл. Гибридный роман В. Пелевина срывает покровы молчания с этой тайны, попутно разъясняя в простой и доступной форме главные вопросы мировой политики, экономики, культуры и антропогенеза.

В центре повествования – три поколения дворянской семьи Можайских, служащие Отчизне в XIX, XX и XXI веках.

Содержание

Часть 1. Золотой жук	5
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Виктор Пелевин
Лампа Мафусаила,
или Крайняя битва
чекистов с масонами
большой полифонический
нарратив

Действие книги происходит в параллельной вселенной, все совпадения с которой являются кошмарным сном. Высказывания и склонности героев не являются выражением позиции или вкусов автора и служат исключительно характеристике персонажей для достижения глубокого и незабываемого художественного эффекта. То же относится к кабалистическим интерпретациям знаков «Алеф-Бет».

Идут белые снега...
Евтушенко

Часть 1. Золотой жук

производственная повесть

Эдгару Аллану По

Поскольку значительная часть моей истории (если не вся она) будет посвящена событиям с отчетливым мистическим привкусом, хочу сразу сказать, как я отношусь к этой самой мистике.

Я считаю себя одним из мелких лейтенантов Мамоны – и, как слугитель серьезнейшего из земных мистицизмов, испытываю брезгливое недоверие к любым формам мистицизма декоративного – от косых хомяков, предсказывающих футбольное будущее, до мировых религий, не способных даже на это.

Я называю серьезнейшим из мистицизмов, конечно, ту его форму, которая помогла сказочно разбогатеть всемирно известным инвесторам – например, Джорджу Соросу или Уоррену Баффету. Как профессионал, я знаю: при отсутствии надежного инсайда подсказать, в какой момент покупать, а в какой продавать акции, валюты или коммодитиз¹, может только мистическое чувство.

Это нельзя раз за разом делать верно, опираясь лишь на

¹ Продаваемое на бирже сырье.

«информацию» – дело в том, что современный мир производит ее в таком разнонаправленном, дешевом и обильно-пенном ассортименте, что выбор между ее взаимоисключающими векторами ничем не отличается от гадания на кофейной гуще. Зайдите на CNBC, прочтите одни заголовки – и поймете, о чем я. Знание, к какому потоку информации прислушаться – и есть ясновидение.

Еще за таким знанием может стоять инсайдерская осведомленность. Но инсайд, как известно, не бывает постоянным. Или, вернее, становится таковым исключительно при отбытии тюремного срока. Сидите себе *inside your cell*² вчера, сегодня и завтра... Так что герои финансового космоса не жулики, нет. Они мистики. Причем очень успешные. И помогает им не «инсайд», а «инсайт» – подобие особого духовного озарения, в котором они пребывают.

Во всяком случае, так я пишу в своих обзорах, когда работаю на Цивилизацию. Когда я работаю на Вату, мои взгляды несколько запутанней. Но об этом позже.

Поэтому я не то чтобы совсем не верю в мистику. Я в нее верю – но только что объяснил, в какую. Архаичные суеверия не для меня. Я строгий и последовательный материалист – в том, что касается природы моего разума и окружающего мира. Но в Духа Денег я тем не менее верю всей душой, хотя и не пишу о нем в обзорах.

Противоречия здесь нет. Этот могучий Дух – такой же ма-

² Внутри своей камеры.

териалист, как я. Материалист до такой степени, что полностью отрицает свое существование – и вместе с ним его бытие тщательно скрываем мы, его слуги.

Теперь, надеюсь, дальнейшее будет понятней.

* * *

Скажу несколько слов о себе и своих корнях – просто чтобы не возвращаться к этой теме.

Мой отец был оловым московским хиппи (многие сейчас уже не поймут, что это значит) и принадлежал к так называемой *системе* – полуэзотерическому, полунаркоманскому авангарду поколения, которое выросло перед самой советской Катастрофой и во многом ее подготовило. Я не видел папу ни разу. Вернее, наверняка видел, но не запомнил. Он умер от плохо поставленного укола, когда мне был всего год.

Среди московских хиппи было принято давать детям чуть-чуть необычные имена – как бы из зеленого ненасильственного будущего, сливающегося с былинным мультипликационным прошлым: Микола, Данила, Ермолай. В этом было что-то свежее и почти антисоветское – так, по воспоминаниям моей тетки, казалось в те дни. Но мой отец пошел значительно дальше.

Он назвал меня Кримпаем. Моя очень и очень молодая мама не возражала – это был крутой приколы по укурке. Когда папа умер, она сдала ребенка тетке из номенклатурной семьи

(тоже одна из родовых черт *системы*), и воспитали меня уже там.

Помню свое первое детское постижение Отчизны: как-то после новогодних праздников, наслушавшись пьяных взрослых разговоров, я вдруг сообразил, что каждый календарный год у нас в стране бывает две холодные зимы – и только одно лето. Причем эти две зимы будут совершенно точно, что бы ни случилось, а вот насчет лета между ними – такой гарантии нет... С той самой поры я знаю, с чего начинается Родина. С зимы. И меня смешат любые разговоры об «агрессивности русских», согласившихся прозябать в таком месте со всеми своими танками и атомными бомбами, пока рядом коптят теплое небо всякие болгары и португальцы.

Мое самое яркое детское впечатление – дореволюционная карточка из альбома со старыми фотографиями, который мне давала иногда полистать тетка.

На карточке были изображены трое. Слева стоял лучащийся счастьем мужчина в игрушечной короне, с тонкими дворянскими усиками и несколько испитым лицом. Справа – удивительной красоты молодая женщина, глядящая на своего короля с насмешливым снисхождением. На руках у нее был ребенок в пеленках, уставившийся в камеру с испугом и надеждой – словно соображая, чего ему ждать от этого таинственного мира, выпятившего на него свой стеклянный глаз... Впрочем, все малыши выходят на фотографиях одинаково.

Такой снимок сегодня назвали бы студийным, постановочным. Мужчина с усиками был одет в театральную хламиду, а его корона походила на согнутое в обруч полотно большезубой пилы. Его спутница была в простом белом платье, но оно вполне могло сойти за античную тунику.

На обороте снимка сохранилась полустертая надпись тонким карандашом:

ЛИЗОЧКА, МАРКИАНЪ И КРОХА МАФУСАИЛЬ

Моя тетка сказала, что это мои прапрадед с прапрабабушкой (ребенок, соответственно, приходился мне прадедом, что плохо укладывалось в голове). Как следовало из золотого штампа, карточку выпустило фотографическое ателье в девятнадцатом веке – но она была цветной, и цвета выглядели прилично. Наверно, ее раскрасили пастелью вручную, а потом покрыли лаком: зубцы короны были замечательно подсвечены множеством крохотных золотых блесток, делавших картинку очень живой.

Мафусаилом звали малыша – а Маркианом мужчину в короне. Это были редкие имена, и оттого я – обладатель столь же странного и необычного имени – сразу проникся к этой дореволюционной семье нежнейшими чувствами. Выходило, дело не в папе-дураке, а в древней семейной традиции. Маркиан Можайский, Мафусаил Можайский, а еще через

пару поколений – Кримпай Можайский. Вполне.

По семейной легенде, Маркиан украсил себя золотой короной, потому что нашел серьезный клад. Долгое время он жил с моей прабабкой в Баден-Бадене, где и был сделан снимок. О судьбе малыша Мафусаила сведений не сохранилось.

Вот здесь, наверно, и зародилась моя будущая страсть к золоту. Мне казалось, что корона на фотографии волшебная, и если долго-долго глядеть на ее поблескивающий обруч, люди со снимка заметят меня – и сообщат что-то очень важное с другой стороны вековой пропасти между нами... Я пробовал даже тереть корону, как лампу Аладдина – и оставил на бумаге пятно. Карточка потом куда-то потерялась, но я до сих пор вижу мерцающие золотые блески, как только закрываю глаза.

Когда я чуть подрос, тетка сказала, что мое имя – индийское, и означает «герой». Типа «Рабиндранат, Рамана и Кримпай». Это меня вполне устраивало, и я ухитрился миновать самые чувствительные в смысле личностных запечатлений годы без всяких комплексов. Но уже в шестом классе умудренные порнотрафиком одноклассники с хохотом объяснили мне мой настоящий смысл.

Creampie – то есть «кремовый (или сливочный) пирог» – это особый жанр порно, где актер-мужчина не пользуется презервативом, завершает процедуру именно так, как замыслила природа – а в конце клипа демонстрируется крупный план женского интимного места с вытекающим муж-

ским семенем. Именно этот оптимистический жизнеутверждающий кадр и называется «пирогом со сливками» из-за некоторого внешнего сходства.

Вот уж действительно – точное имя, прямодушно и без прикрас фиксирующее реальность: Кримпай Сергеевич. В известном смысле мой папочка превзошел французских экзистенциалистов – разве можно короче и лучше объяснить подрастающему человеку, что он такое и какая сила бросила его в мир?

Если русских зовут иванами, а немцев фрицами – то всех людей вообще зовут кримпаями. Но жить с таким именем от этого не легче.

Мои подружки (их было несколько, пока я не разобрался в себе), а потом и друзья называли меня «Крим». И да, шутка «Крим наш» уже была. Много раз, с кримом и без.

* * *

Однажды, когда я был еще совсем маленьким – лет восьми – в окно дачи, куда тетка вывозила меня на лето, влетел странный бронзовый жук. Он был желто-золотого цвета, с легким красным отливом, и казался комком живого золота.

Я в это время сидел у стола и рисовал испанский галеон. Из его пушечных портов торчали дула орудий, а на палубе ровными рядами стояли сундуки с сокровищами, потому что в трюм все не помещалось.

Я успел только поднять глаза – и эта тревожно гудящая золотая пуля, разогнав по комнате широкую дугу, без всякого предупреждения ударила меня в лоб.

Я жутко перепугался, закричал, свалился со стула – и забился под стол. Жук сделал по комнате еще несколько кругов: его жужжание то приближалось ко мне, то удалялось. Я чуть не визжал от страха – мне почему-то казалось, что он нападет на меня снова. Но, прогудев еще раз прямо над моей головой, жук вылетел в окно.

Я никогда прежде не видел бронзовика такого странного цвета. Обычно эти жуки изумрудные – и чуточку отливают золотом. Но этот был отчетливо золотым, гораздо светлее – будто в его пигмент забыли добавить зеленую густоту. Он словно весь был покрыт чешуйками золота с моей любимой старой фотокарточки.

– Альбинос, – сказала тетка, когда я сообщил ей о случившемся.

– Что это значит?

– Ну, как трава бывает белая, когда растет под палаткой, знаешь? Наверно, вырос где-то под лопухом без солнечного света. Он тебя укусил?

– Нет, – сказал я. – Или... Не знаю.

Вечером тетка дала мне книгу. Это был сборник Эдгара По, заложенный на рассказе «Золотой Жук». Я прочел эту удивительную историю очень быстро, не расставаясь с книгой даже в туалете.

Если кто не читал – это рассказ о том, как золотой жук привел героя к пиратским сокровищам. Там фигурирует прибитая к ветке мертвая голова, через глазницу которой пропускают жука на нитке, пергамент с козлом, черепом и шифром, появляющимися после прогрева, и прочие романтические атрибуты.

Сказать, что рассказ произвел на меня впечатление – значит ничего не сказать. Он меня, как говорили когда-то партийные литераторы, перепахал. Вернее, вспахал – провел в моей душе ту единственную борозду, которая и осталась в ней от всей мировой литературы. Я помнил «Золотого Жука» почти наизусть.

Кстати сказать, когда я позже прочел его в оригинале, оказалось, что в переводе многое утрачено – один из кладоискателей, негр Юпитер, очень смешно говорит по-английски, и По передает это, заставляя его произносить одни слова вместо других.

Сейчас беднягу Эдгара Аллана освистали бы: во-первых, за слово «негро», во-вторых – за изображение рабской сущности афроамериканца (отпустили на свободу, но даже угрозами не заставили уйти от господина). Словом, в наши дни «Золотой Жук» По неактуален по многим причинам. Но тогда было совсем другое время.

Вооружившись сачком и – для окончательной уверенности в себе – большой линзой, за секунду превращавшей муравьев в синий дым, я отправился искать своего жука и по-

святил этому много летнего времени. Но мне попадались только зеленые бронзовки. Я некоторое время сортировал их по фанерным спичечным коробкам, бывшим тогда в ходу – но потом мне надоело.

Постепенно я забыл про Жука, и он тоже не напоминал о себе очень долгое время.

* * *

Моя московская юность была малоинтересна из-за своей обычности, и рассказ о ней я опущу. Я окончил школу и финансовый институт – и плавно вписался в жизнебизнес, сразу же выйдя на приличную дорожку (или даже орбиту). Некоторое время я работал банковским функционером, а потом стал серьезным трейдером. Я греб деньги лопатой – для других и для себя – и все в моей жизни было, как говорил мой куратор из органов, *чики-чик*. Но главное, я по-настоящему любил свою работу. Ее трудно было не любить.

Я специализировался по золоту, оно росло, и у меня появлялось все больше клиентов, желающих быстро получить прибыль. Совсем по-крупному я начал работать в конце нулевых годов, когда лопнул очередной американский пузырь, включилось «количественное смягчение» (то есть долларový станок) и золото быстро и неостановимо пошло вверх.

Если вы держите хотя бы миллион или два долларов в золоте, вам не надо ходить в казино. А также смотреть кино

или лазить в фейсбук. Просто сидишь себе у экрана, глядишь на меняющийся в реальном времени график и вздрагиваешь: «Уй, только что десятку потерял... А теперь двадцатку заработал... Ой, опять упал на пятнадцать...»

Сидеть так можно весь день и всю ночь, и ни капельки не наскучит. Захватывающий интерес гарантирован, и никаких других сильных переживаний душе уже не надо. Этот прыгающий черно-зеленый график будет посильнее и «Фауста» Гете, и Бхагавад-Гиты вместе взятых: эмоции и ум вовлекаются в бдение над его зигзагами куда сильнее, чем в сопереживание всяким художественным «характерам» (которых «люди искусства» и придумывают-то лишь ради того, чтобы и самим когда-нибудь нырнуть в акции, золотишко или открыть патриотический фастфуд-фэшн).

Особенно богатое содержание открывается за графиком XAU/USD, то есть стоимостью золота в долларах – или, что то же самое, стоимостью доллара в золоте (хотя говорить так некорректно – это значит назвать золото деньгами, а доллар непонятно чем).

Чтобы оценить всю драматургию происходящего, надо немного представлять, что такое USD, что такое бумажное XAU, которым торгует «Комекс»³, и что означают развороты этого графика.

³ «Commodity exchange», рынок, где торгуется основная масса золотых фьючерсов – контрактов на поставку золота к определенной дате, которые, как правило, остаются «на бумаге» и служат только для спекуляции.

«Вот, поднялось... Кто-то десять тонн цапнул, не меньше... Началось? Развернулось? Нет. Опять пятнадцать тонн скинули... Это где, в Нью-Йорке или Шанхае? В Нью-Йорке, где еще... Ой. Вот скакнул так скакнул... И держится, держится! Вот теперь началось. А, нет... Это шортселлеры⁴ контракты выкупают, чтоб не попасть под раздачу... Забегали, забегали, как тараканы под кипятком...»

Именно этому экранному бдению и были посвящены мои лучшие дни – хотя я рулил в основном не своими деньгами, а чужими.

Оглядываясь сегодня на свою еще очень далекую от завершения жизнь, я вспоминаю не детство, не любовные приключения разного рода, а именно эти мгновения у монитора, когда новый излом графика раз в десять секунд выпрыгивал из вертикальной черты настоящего момента – как бы из столба, к которому было привязано время, – и менял всю вселенную. С тех пор я точно знаю, что время движется справа налево, как этот график.

Этот же график делает тебя философом. На нем видно, как относительно и зыбко все то, на что мы полагаемся, как забывчив наш ум и волатильно сердце.

Когда из-за атаки шортселлеров золото падает за один день с 1135 до 1080 долларов за унцию, это кажется чуть ли не падением Берлина. Зато всего через месяц, когда оно так же быстро поднимается с 1045 до 1080, тот же рубеж пред-

⁴ Спекулянты, играющие на понижение.

ставляется почти победой под Курском. И эти два диаметрально противоположных чувства, вызванных одной и той же цифрой, совершенно искренни и заполняют душу целиком – хоть разделяет их всего тридцать дней...

Что же говорить о человеке, затерянном в истории, где временные интервалы куда больше, происходит нечто мутно-неясное, а внятных нумерологических ориентиров нет вообще?

* * *

Я верил в золото всерьез – это было похоже на любовь. В те дни все выглядело элементарно: на моей стороне был многовековой опыт человечества. За меня был, в конце концов, сам доллар – не зря ведь Америка отказалась в свое время от золотого стандарта. Золоту полагалось расти бесконечно – такова в те дни была мейнстримная мудрость, и я верил в нее вместе со всеми. И потом, я просто любил блеск этого металла, приятную визуальную тяжесть его брусков, повторяющиеся девятки на полированной желтой поверхности...

Я стал классическим примером того, что называется «Gold Bug» – инвестором, верящим только в золото. Я знал, конечно, это выражение, и оно мне нравилось. Я иногда вспоминал с усмешкой бронзовика-альбиноса, стукнувшего меня в детстве по голове – и видел теперь в этом своего рода знамение.

Я даже сделал на спине тату – большущего золотого жука (художник составил его из красных, зеленых и желтых блесток на темном фоне – и получилось вполне прилично, хотя моему любовнику Артуру всегда мерещилось, что это голова дракона). Под жуком было готическое слово:

XAUBUG

И еще у меня было кольцо с большим золотым скарабеем – мне казалось, что это в точности тот самый жук, который навестил меня в детстве, а прежде водил знакомство с Эдгаром По. Я носил его на большом пальце – словно XAUBUG присел на мою руку отдохнуть.

Я понимал термин «тотем» лучше любого антрополога. Золотым жуком был я сам. Я уверенно полз вперед и вверх по графику, давя своим тяжким желтым телом смешные бумажные валютки. Если вы посмотрите на кривую цены золота за последние двадцать лет, вы увидите длинный крутой подъем, начавшийся вместе с новым миллениумом. Вот именно по нему я и карабкался к вершинам, гордо озирая пораженный кризисом мир.

Тогда казалось, что это навсегда – и меняться будет только наклон графика. Так писали серьезные эксперты, с ними соглашались обозреватели... И я верил этому постоянно звучащему в финансовой прессе хору Серьезных Голосов. А по-

Собственно, все видно на графике.

Золото дошло до 1900 долларов за унцию – и стало прыгать вверх-вниз. Протрубила труба Сороса – шептались, что через него делает свои объявления Картель. Золото, сказал он, плохая инвестиция. Никто сперва не поверил. И тут начались гигантские сбросы бумажного золота на «Комексе».

Говорили, что из XAU выходят ETF⁵ – но точно никто ничего не знал. Никто пока не понимал, кто за этим стоит, Картель или Спекуляторы (я специально не пользуюсь словом «спекулянты», чтобы обремененный советским опытом читатель не подумал, будто я говорю о чем-то ему понятном; если коротко, в финансовом мире Картель – это боги, Спекуляторы – это титаны).

Конспирология расцветала. Вообще, все золотые жуки – естественные конспирологи. Это родовое, как две черные точки на спине скарабея у Эдгара По.

Те, кто боялся произнести слово «Картель» (я имею в виду западных финансовых журналистов), говорили, что ФРС начала третий раунд количественного смягчения, чтобы помочь Обаме попасть на второй срок – по статистике канди-

⁵ Exchange traded funds, биржевые инвестиционные фонды.

дат правящей партии практически никогда не может переизбраться, если фондовый рынок падает. А как только биржу накачали дешевыми деньгами, акции пошли вверх – и инвесторы стали перебрасывать свои деньги из золота на фондовый рынок, чтобы заработать на ралли... Не знаю. По-моему, сказать «работал Картель» (yes, we can!) – это то же самое, только короче.

В общем, версий существовало множество, скачки вниз были такими быстрыми и мощными, а надежда отыграть потерянное такой сильной, что вместе со многими я не успел выйти из ХАУ вовремя и потерял деньги. Надо было продавать, а я медлил и медлил... Ответственность за промедление была на мне. Золото прыгало между 1900 и 1600 долларами за унцию достаточно долго, и все надеялись на реванш – а потом его вдруг очень быстро обвалили до 1200. Как вскоре выяснилось, и это не было пределом.

Все было бы ничего, будь деньги моими. Но я потерял очень большую сумму чужих.

ОЧЕНЬ.

В прямом физическом смысле никто не лишился ничего – у клиента осталось его золото. В банковском сейфе в Монако сохранилось все до последнего брусочка. Но стоило оно теперь на тридцать процентов меньше.

Специфику своей работы я раскрывать не буду – подобные схемы действуют до сих пор. Суть дела была такой, что предъявить мне формальные претензии было трудно – пря-

мых распоряжений о продаже ко мне не поступало. Но в нашей стране, как известно, работают не с документами, а с людьми.

Я потерял деньги не какого-то подмосковного депутата, а генерала ФСБ Капустина. Это объяснил мне партнер, вместе с которым мы вели дела.

Клиенты пришли с его стороны, и у него было три версии происхождения. По одной из них, чекистов сильно напугал один из их экономических консультантов («экономист хэ», как выразился партнер, имея в виду не то фамилию, не то сокращенный эпитет), обещавший скорый и необратимый крах доллара. По другой версии, это были не личные средства Капустина, а чекистский общак или вообще какой-то секретный фонд. По третьей – проводилась спецоперация, где нас использовали втемную.

Но сам я предполагал, что дело в другом.

У конторских в то время было принято вкладываться в нефтянку, но Капустин, видимо, помнил, как кончился СССР – и понимал, что скоро сделают с нефтью. Поэтому он решил уйти в золото, доверившись двум золотым жукам. Делал он это втайне от своих, поскольку те могли посчитать такое поведение крысятничеством. Отсюда и выбор таких не слишком серьезных посредников.

Этот Капустин занимал в конторе какой-то важный секретный пост. Разумеется, деньги были записаны не на него и не на прямых родственников – а на совсем левых людей,

и никакое расследование ни за что не привело бы к самому генералу. Но я быстро понял, насколько все серьезно.

Моего партнера, с которым мы вели дело, убили.

Причем убили с особой даже для наших мест жестокостью: сожгли в лесу на старой советской кровати, разведя под железной сеткой костер. Во рту у бедняги нашли обгорелый кляп, из чего следовал вывод, что жгли его не для того, чтобы заставить говорить, а для того, чтобы причинить ему боль, не привлекая внимания. Это, очевидно, ждало и меня самого.

И я понял то, что время от времени понимает в нашей стране каждый: девяностые вовсе не кончились. Просто раньше они происходили со всеми сразу, а теперь случаются в индивидуальном порядке.

Я попытался связаться с номинальными владельцами потерянных денег. Но они не стали со мной говорить – телефон молчал. Я продал собственное золото – все накопленные сбережения, примерно на два миллиона долларов, – и перевел им. Продавать пришлось близко ко дну, сам я потратил на свое ХАУ куда больше... Но даже отдав все, что у меня было, я не смог покрыть и малой доли потерянного.

А трубка молчала и молчала.

У меня началась депрессия. Удручал даже не этот внезапный прыжок из обеспеченности в нищету – такое в жизни бывает – а моя метафизическая, так сказать, капитуляция: я продал Золото. Продав все свое Золото... Отдал за электронную фикцию своего Жука.

Моя жизнь не имела больше смысла.

Я чувствовал, что меня со дня на день убьют, и, скорее всего, самым жестоким образом. Смерти я боялся гораздо меньше, чем боли – и со мной случился нервный срыв.

Я решил уйти из жизни сам. Поверженный ХАУБУГ на моей спине был даже рад такому повороту событий.

Самоуход, как я целомудренно назвал про себя задуманное, казался мне наиболее уместным решением: я был уверен, что процедуру можно будет сделать безболезненной и совсем не страшной.

* * *

Я отправился к своему дилеру. Это был бойкий парень по имени Сер. Так он сокращал «Сережа», имея в виду не фекальный глагол, а адскую серу. Но я подозревал, что он таким образом борется со своей латентной гомосексуальностью: «Сергей», то есть «серый педик» – очень эффективное в смысле метапрограммирования имя, и носят его, как правило, яркие гомофобы.

Для обоснования своей адской претензии у Сера на стене висели вверительные грамоты: слева – постер с престарелым Миком Джаггером в парчовом пиджаке, справа – другой постер с вписанным в перевернутую звезду козлом, а между ними – большие старинные счеты, превращенные в предмет искусства.

Костяшки счетов были переделаны в черепа тончайшей резьбы – в результате чего получилась уменьшенная модель ацтекской храмовой стойки «tzompantli». Это объяснил мне сам Сер, мимоходом упомянув, что ритуальный объект хранится у него с тех времен, когда он продавал пейотль. Думаю, он врал, а счета достались ему от сумасшедшего дедушки-бухгалтера, у которого на пенсии было много свободного времени.

По виду Сер походил на программиста-надомника; два сервера, стоявшие у него в комнате, были на самом деле сейфами, где хранился товар (при этом они работали – и при снятии внешней панели умиляли дрожью разноцветных огоньков).

Видимо, от экзистенциального страха Сер постоянно удалбывался, вернее даже утрамбовывался каким-то недорогим медицинским препаратом («акселем», как он его называл) в туповатую и добродушную колбаску, ничему не удивляющуюся и настолько готовую к любому повороту судьбы, что было даже непонятно, почему мировая олигархия еще не превратила в таких колбасок нас всех. У него от этого «акселя» менялся голос – в задушевную сторону. Казалось, он вот-вот заплачет.

Я не был наркоманом – во всяком случае, в социальном смысле. Обычно я прикупал у Сера препараты, с помощью которых мы с Артуром делали наши отношения значимей и глубже, как поступают в наших кругах многие. Но в этот раз

я прямо объяснил, что мне нужен билет в рай. В один конец.

Сер за свою карьеру успел повидать всякого – и удивился не особо.

– А если меня потом найдут и прикопают? – спросил он.

– Тебя не найдут.

– Все знают, что ты берешь у меня.

– Никто не знает, – ответил я. – Я никому не говорю.

– Я сам говорю, – криво улыбнулся он и показал пальцем вверх. – Капитализм – это учет. По-другому у нас никто не работает.

Можно было догадаться – раз куратор имелся даже у меня, то тем более был у него.

– Я напишу записку, – сказал я. – Напишу, что я сам. И прошу никого не винить... А тебе отдам все деньги, какие остались. Шесть тысяч долларов.

Сер отказал.

Но тем же вечером он позвонил – и сказал, что согласен.

– Тебе как хочется? – спросил он, когда я принес деньги.

– Тихо и спокойно, – сказал я. – И без боли.

– Это не так просто.

– Почему?

– Потому что человек так устроен, – ответил он. – Его сложно убить безболезненно. Боль – наша внутренняя сигнализация, что дело плохо. И контуров этой сигнализации в организме очень много.

– Я думал, – сказал я, – уж что-что, а этот вопрос челове-

чество решило.

– Только внешне.

– В каком смысле?

– Смерть считается безболезненной, если человек не кричит «уй, мама!» Но что при этом чувствует мозг, не знает никто.

– Неужели? – изумился я.

– Даже в американских тюрьмах, – ответил Сер, – не могут сделать нормальную летальную инъекцию. Я недавно одну статью читал – там написано, что после стандартного терминального укола приговоренный испытывает жуткие муки, просто это никому не заметно из-за паралича лицевых мышц и голосовых связок...

– Ты меня не пугай, – пробормотал я. – Мне и так страшно.

– Я не пугаю. Я, наоборот, сказать хочу, что сделаем безболезненно. В смысле отправку. Я знаю как – мы всю твою сигнализацию отключим по очереди, в нужной последовательности. А дальше... Не от меня зависит.

– Думаешь, там что-то есть?

Сер пожал плечами.

– Сам пока не был.

– Ничего там нет, – сказал я. – И это меня устраивает. Больно точно не будет?

– Точно. Забудешься под тихий шум дождя...

Мне понравилась эта картина. В ней был какой-то древ-

неяпонский уют: самурай делает харакири на опушке соснового леса, и ему совсем-совсем не больно – он любит соснами и слушает тихий шорох капель...

Если вдуматься, вся культурка, которой нас откармливают – книги, фильмы, религии – примерно об этом. А потом каждому приходится стать этим самураем самому – и лично проверить, как обстоят дела.

Я отдал деньги и получил от Сера кристалл, похожий на грифель зажигалки, немного бурого порошка и толстую пилюлю из двух пластиковых половинок, обернутую на стыке чем-то вроде полоски скотча («для дополнительной гарантии»).

– Ну, как говорится, ни пуха ни пера, – сказал Сер.

Он был настолько утрамбован, что это прозвучало вполне нормально. Я подумал, что речь в этой мрачной поговорке идет о земле, парящих над ней ангелах и неясных перспективах атеистического посмертия.

Записав последовательность, в которой надо было принимать последние подарки судьбы, я отправился домой.

У моего подъезда стояли двое. Они кого-то ждали. У одного в руках был букет цветов – в таких прячут заточку или арматуру.

Я очень испугался, что не успею уехать по льготному билету. С трепетом пройдя мимо (они, к счастью, ждали кого-то другого), я уже не колебался – и, добравшись до своей квартиры, приступил к процедуре немедленно.

Ничто не придает человеку такого мужества, как страх. Когда невозможно становится жить, умирать даже любопытно. Я принял душ, но прощальной записки писать не стал. Иногда молчание – знак несогласия.

* * *

Я не помнил, что было раньше – и осознал себя, когда темнота вокруг приобрела объем, как иногда бывает во сне. Объем этот казался огромным – а темнота кристально прозрачной. Она была черной и вместе с тем абсолютно ясной. Мой взгляд проникал в нее далеко, невероятно далеко – как никогда раньше. И во все стороны сразу, как не бывает вообще.

Чернота словно бы блестела – не знаю, как объяснить, но казалось, что она сделана из крепчайшего алмаза, бесконечно огромного и несокрушимого. И я сам, и все остальное было просто игрой света внутри этого алмаза.

То здесь, то там как бы самозарождались узелки света – завязывались разноцветные огоньки. Я говорю «как бы», потому что мне было понятно: свет не может зародиться в этом алмазе сам. Он должен откуда-то прилететь, чтобы отразиться от невидимых граней.

И это значило, что я сам уже отразился от них, и – в очередной раз – несусь сквозь вечную пустоту в поисках своего дома. Или хотя бы чего-то такого, с чем у меня имеется дав-

няя и прочная связь.

Мерцающие вокруг узелки света можно было рассматривать в подробностях – внимание сразу переносило меня к ним, заставляя их разворачивать передо мной свой смысл.

В пустоте играли два дракона. Они были невероятной, тончайшей красоты – и игра их тоже казалась нежной, похожей на любовную ласку, соединенную с чем-то вроде партии в замысловатые шахматы, только без доски и фигур.

Я сам не заметил, как стал одним из них. Это было жутко – и приятно. Я наугад сделал ход в их непонятной игре – ходы в ней совершались простым изъявлением воли. Тут же все вокруг сделалось грозным и страшным, словно я рухнул в ад – а дракон, игравший со мной, превратился в жуткого мучителя, и его длинные белые усы стали источником пронзающей меня боли.

Я сообразил, в чем дело. Много лет назад, еще учась в финансовом, я поговорил с одним размашисто крестившимся священником с командирскими часами на руке, и тот сообщил мне, что на национальном флаге Китая изображен враг рода человеческого, дракон – он же древний змей.

В китайской культуре, сказал я тогда в ответ, смысл этого образа совсем другой и означает небесную силу, и вообще китайскому дракону больше лет, чем любой из трех голов христианства (в те дни я общался с большим числом людей и слышал от них много интересного) – но слова священника, оказывается, запали мне в душу, и только сейчас сработали,

отрезав от открывшегося мне мира... Дракон не хотел быть врагом рода человеческого. Я сам вынуждал его к этому, и он защищался как мог.

Я вдруг понял, что вся моя память стала узорами света – и была уже не внутри меня, а вокруг. Собственно, все, что я видел, и было памятью. Я прыгал между узелками света, заглядывал в разные замочные скважины – причудливые и страшные, мрачные и пестрые (сейчас я уже плохо их помню) – и отовсюду меня гнали прочь, как это сделал дракон.

Так продолжалось очень долго. Но огни вокруг постепенно делались все тусклее – и, не найдя себе нового пристанища, я в конце концов остался один.

Света вокруг больше не было. А я все еще был. И я уже понимал, что угаснуть и забыться навсегда у меня не выйдет – в реальности просто не было такой опции.

Только теперь мне стало ясно, какую чудовищную ошибку я совершил, решив умереть по своей воле. Я буду вечно падать в эту черноту, догадался я, вечно – без всякой надежды. Ангелы и черти будут напрасно ждать меня где-то в другом месте... Ни пуха, ни пера, как и было сказано.

Я не был нужен в этой тьме никому.

Никому. Тут просто никого больше не было. Чем глубже я опускался, тем несомненной это становилось... Надвигавшееся на меня вечное одиночество показалось мне невыносимо страшным. Хуже этого не могло быть ничего.

А потом я понял, что вслед за мной во тьму спускается

преследователь.

Он держался у меня за спиной – или, вернее, за границей поля моего внимания, – но иногда становился заметен. Сначала я думал, что это оптический эффект, что-то вроде стеклянистых червячков, проплывающих перед глазами при взгляде в небо. Но потом, когда неясное содрогание темноты на периферии моего взгляда повторилось несколько раз, я стал следить за ним внимательнее – и внезапно различил нечто похожее на фигуру ныряльщика.

Это был не человек. У него была огромная голова – вернее, клубок чего-то вроде змей или дредов, и больше всего он напоминал черную медузу, из центра которой, кроме щупалец, росло тело с руками и ногами. Ныряльщик управлял своим движением словно в воде – и я понял, что он широкими кругами спускается вслед за мной в бездну, все время стараясь оставаться невидимым.

Сказать, что я испугался – значит не сказать ничего. Одиночество, только что ужасавшее меня, теперь показалось мне раем. Мне сделалось так страшно, что я чуть не задохнулся.

Почему-то я решил, что это сам дьявол, лично явившийся за душой самоубийцы – и чем нелепей казалась такая мысль уму, тем крепче верило в нее сердце. Дьявол хотел превратить меня всего без остатка в чистый страх – и сожрать его... И это у него почти получилось.

Я, кажется, стал делать какие-то резкие рывки, кидаться из стороны в сторону. Это были не физические движения

тела, которого я не ощущал и не видел, а, скорее, метания охваченного ужасом ума. Как бы там ни было, я спугнул своего преследователя. Его не было больше видно.

На несколько минут я успокоился – и даже, помню, с сарказмом вспомнил об уютных земных ужасах (вроде генерала Капустина), которые и привели меня в эту вечную ночь. Это правда было очень смешно. А потом мой преследователь опять мелькнул в темноте – с другой стороны и ближе, много ближе.

Он играл со мной, как кошка с мышью. Никто не мог мне помочь.

И тогда я вспомнил про Золотого Жука.

Это ведь была единственная сущность, в которую я действительно верил. Даже, наверно, любил. Неужели он не придет мне на помощь? Ведь этим жуком был я сам!

Когда-то это казалось игрой – но ничего серьезней в моей жизни, как выяснилось, не было... Я и умереть решился из-за этой игры – вернее, из-за своего проигрыша...

Неужто не поможет даже мой Жук?

И вдруг вокруг зажегся тусклый золотой свет. В нем не было ничего угрожающего, но мой преследователь сразу метнулся куда-то в сторону и исчез.

* * *

Свет не походил на те огни, что я наблюдал прежде. Его

источник был невидим – он находился у меня за спиной. Сияние сделалось ярче, и я различил перед собой черный человеческий силуэт, окруженный золотым нимбом. Сперва я испугался, решив, что вернулся мой преследователь – а потом понял, что это моя собственная тень в потоке золотого света. Выглядела тень жутковато – наверно, она и спугнула человека-медузу.

Я вспомнил виденную в школе открытку с изображением золотого оклада рублевской «Троицы» отдельно от иконы – три черных контура среди сверкающего кованого золота... Я подумал тогда, что это идеальный культовый объект для черной мессы (сейчас я просто назвал бы его хорошей инвестицией). И вот теперь эта детская мысль бумерангом вернулась ко мне... Я и не догадывался прежде, что моим восприятием управляет столько разных червей и вирусов.

Теперь я словно попал на эту открытку сам – у меня была черная тень, но не было тела. Впрочем, не так ли именно и должны обстоять дела в этом пространстве?

Затем я понял, что мне задают вопрос. Слов я не слышал, но каким-то образом понял смысл.

«Тебе нужна помощь?»

«Да, – ответил я тем же странным способом. – Ты Золотой Жук?»

«Как тебе угодно».

Я сообразил, что со мной говорит не тень. Неясная сущность находилась позади меня, там же, где источник света.

Неудивительно – татуировка «ХАUBUG» была у меня на спине. Хотя у меня теперь не было спины, память о телесной геометрии оставалась.

Я попытался обернуться и посмотреть на говорящего со мной, но было не совсем понятно, как это сделать в бесплотном качестве. Тогда я представил себе, что стою в ванной и через плечо разглядываю жука на своей спине в зеркале.

Как ни странно, это сработало. Я увидел подобие длинного золотого рога и овальную голову, от которой тот отходил. Судя по голове, Жук был огромен. Его рог был нацелен прямо в меня – из него бил конус золотого света, в котором я висел. Но я рассматривал все это очень недолго – рог и голова исчезли из моего поля зрения, и, сколько я ни старался, я больше не мог их обнаружить. Передо мной остался только черно-золотой отпечаток моей собственной тени.

«Ты хочешь умереть?»

«Уже нет», – ответил я.

«Это была ошибка?»

«Да-да, – согласился я. – Глупая ошибка».

«Твой друг желает тебя спасти», – сообщил Жук.

Я решил, что он говорит про себя.

«Каким образом?»

«Твоя жизнь, твоя судьба, твоя смерть – просто записи. Их можно обновлять. Твой друг изменит твой *каркас*. Уберет причину, из-за которой ты страдаешь и ищешь гибели... Но для этого надо, чтобы ты разрешил это сделать. Ты должен

согласиться».

«И что случится дальше?»

«Как только изменится твой *каркас*, – сказал Жук, – изменится и твой *пергамент*».

Можно было подумать, это что-то объясняло. Но я уже начинал понимать логику происходящего: я ведь искал Золотого Жука, и я его нашел. *Пергамент* был несомненно заимствован из рассказа Эдгара По – там был чертеж с черепом, козленком и длинной шифрованной надписью. Его следовало прогреть на огне. Это слово выбрал не Жук – он вряд ли читал По – а моя собственная память, сквозь которую он каким-то образом пропускал свои странные смыслы, превращая их в ясную мне речь.

«Новый пергамент? – спросил я. – Там будет тайный шифр? Карта?»

«Да-да, будет, – согласился Жук. – Новый шифр. И новая карта».

«Карта чего?»

«Тебя. Новая карта тебя. Новые *надписи*».

«Что со мной случится?»

«Ты вернешься в мир, – ответил Жук. – У тебя будет другая судьба, но в целом все останется по-прежнему. В твоей жизни не будет роскоши, но сохранится много скромных удовольствий. Ты будешь счастлив в любви. Гораздо счастливей, чем сейчас. Я вижу на твоём *пергаменте*, что ты должен встретить родственную душу... Ты согласен принять по-

мощь?»

Это определенно выглядело лучше вечного падения в черную бездну. Но все же я задумался – и надолго. Золотое сияние стало понемногу меркнуть.

«Согласен», – сказал я наконец.

Сияние погасло.

Стало совсем темно. Я с ужасом понял, что упустил свой шанс и теперь точно утону во мгле.

Но тут в моих ушах раздалась резкая музыка – прямо какой-то утренний бодряк – и я увидел совершенно не уместную в этом мрачном измерении рекламу кабельного телевидения:

НЕ ДОЖДЕТЕСЬ! ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ КАНАЛ

Розовая надпись проплыла мимо, потом вернулась, зацепила меня невидимым крюком и поволокла за собой вверх – туда, где на немыслимой высоте над черными глубинами осталась поверхность знакомого мира – и жизнь, моя сложная горькая жизнь...

* * *

Я пришел в себя в больнице – и ничуть этому не удивился.

Где же еще.

Вокруг был тот особый медицинский уют, который создает дорогое больничное оборудование, свежее белье и зеленая униформа врачей: как-то сразу верится, что смерть в такое пространство не поустят. Во всяком случае, без бахил.

Я чувствовал себя вяло – и как бы опаздывал со своей реакцией на происходящее. Со мной уже говорил врач, а я все еще думал о словах хорошенькой медсестры: оказывается, я вызвал платную «скорую», велел оператору сломать дверь, если не открою... Я никакой «скорой» не вызывал. Хотя мог про это просто забыть.

Или это мог сделать раскаявшийся Сер.

Врача интересовал подробный отчет о моих видениях, и я рассказал ему все, что помнил. Он ничуть не удивился, сделал несколько пометок в блокноте и задал мне пару наводящих вопросов. Вроде того, через какое плечо я обернулся посмотреть на Жука.

Наверно, он искал в моих словах противоречия и признаки бреда – но эта мысль пришла мне в голову уже по пути к метро. А заметив, что иду к метро, я сообразил, что врачи меня отпустили, заставив подписать несколько бумаг.

«От медицинской помощи отказался...»

Уже в метро я понял, что толком не помню, где недавно был: кажется, белый трехэтажный дом, синяя вывеска над дверью, в целом какая-то приличная частная клиника, в Москве таких много. Все это, конечно, можно было легко

выяснить.

Дома меня встретила сломанная дверь. Но я даже не расстроился – я уже почти пришел в себя.

Звонить Серу и спрашивать, кто именно вызвал «скорую», я не стал – было страшно. Отчего-то казалось, что он, как киллер из драмы-нуар, почувствует себя обязанным все-таки исполнить оплаченную услугу.

А я уже не хотел умереть. Я теперь очень хотел жить. Говорят, так всегда бывает после неудачного суицида.

Я не придавал большого значения пережитым галлюцинациям – и без врачебной помощи было ясно, откуда взялись посетившие меня видения. Золотой Жук из рассказа По проскользнул через глазницу моего черепа и привел меня к настоящему сокровищу – жизни, которую я так легкомысленно собирался покинуть.

Мне казалось, что мир, куда я вынырнул из черной бездны, стал совсем другим. Его словно омыло весенним дождем, растворившим все мои страхи.

Во-первых, через несколько дней выяснилось, что моего партнера убили вовсе не из-за истории с генералом Капустинным. Партнер тайно от меня прокручивал не то узбекские, не то таджикские деньги – и вот оттуда к нему и прилетел весь культурный обмен.

Мои проблемы, конечно, никуда от этого не исчезли. Но они оказались не такими безвыходными и страшными, как мерещилось мне на дне отчаяния.

Убивать меня не стали. Меня всего лишь избили. И даже не сильно – скорее, символически: как бы сломали о плечо невидимую шпагу. Били номинальные собственники (вернее, терпилы) – пожилые неспортивные господа со страдальческой одышкой. Они хотели сделать мне больно, но у них не получалось. Я не сопротивлялся – у их охраны это могло выйти значительно лучше.

Генерал Капустин, если он действительно пострадал от моих операций, никак себя не проявлял. То есть от слова «вообще».

Но все было плохо и без него. Мне пришлось продать свою квартиру в центре и переехать в панельную девятиэтажку. И еще я лишился работы.

Меня отодвинули от серебряных и золотых струн, на которых я так нежно играл, и вскоре я вынужден был переквалифицироваться в управдомы – стать одним из тех финансовых аналитиков, что дают космической пустоте свои компетентно-доверительные советы: в каких валютах хранить деньги и какой вклад предпочесть «в наше смутное время».

Прежние знакомства немного помогли.

Я специализировался в основном по коммодитиз, и с особенным чувством всегда писал про тот актив, которым прежде торговал – ХАУ. Иногда мне приходилось выступать перед людьми.

Я хорошо понимал свою новую роль в мире и мог с убедительно-серьезным видом поговорить о движении российских

индексов, или даже хмуро задуматься, куда дальше пойдет рубль. Мой галстук и костюм были безупречны, а чуть тронутые гелем волосы и тщательно оттриммированная небритость показывали городу и миру, что люди дела ценят не только деньги, но и стиль.

Зеленый логотип интернет-издания, при котором я главным образом кормился, скорее всего, знаком читателю – но называть его я не буду. Элита во всем мире содержит такие консалтинг-конторы исключительно для раздувания информационной энтропии – чтобы у мелкоты создавалось ощущение «информированности».

Понтий Пилат интересовался, что есть истина – но сегодня актуален другой вопрос: что есть информация? Дать научное определение этому понятию я не возьмусь. Но о том, что будет завтра и послезавтра, лучше всего информирован Картель – просто потому, что для остальных «информация» и есть просачивающиеся во внешний мир сведения о его планах. Чуть хуже информированы Спекуляторы. А всех остальных разводят втемную такие как я – чтобы стада «участников рынка» блуждали в потемках, и ничто не мешало серьезным инсайдерским операциям.

Я не хочу сказать, что подобные издания лгут специально. В этом нет необходимости. Люди ведь не читают самих статей, они обычно проглядывают заголовки – нас сегодня программируют так, чтобы мы не могли удерживать внимание ни на чем дольше пятнадцати секунд.

Заголовки звучат так: «Золото падает на новостях из Федерального Резерва». Или так: «Золото растет из-за плохих данных по занятости». Ну-ну. В реальности все немного иначе.

Например, в первом случае один большой банк сбрасывает бумажные опционы на золото строго в день заседания Федерального Резерва США (такое вот совпадение, да). А во втором Спекуляторы решают спровоцировать короткое ралли, дружно выставив золото в лонг, и синхронизируют акцию с выходом плохой статистики по американским рабочим местам (то, что она будет плохая, они знают по инсайду). Это все-таки не совсем то, о чем орет финансовая пресса.

Но финансовому консультанту и особенно журналисту не нужна действительная картина, ему достаточно броской фразы, убедительно выглядящей причинно-следственной связи, которая не является дезинформацией на сто процентов. Наш ум устроен так, что глотает эту наживку всегда.

Свою новую роль я понимал верно, гнал темную пургу, сквозь которую не было видно ни реальности, ни меня самого, и мировая закулиса (хе-хе) платила мне небольшую зарплату. Разумеется, я ни с кем не обсуждал этого негласного общественного договора. Сегодня в мире ценится не просто понимание, а молчаливое понимание.

В общем, моя история была классической. Настолько, что даже шутки о ней напоминали Санта-Клауса своей седобородой древностью: потеряв свои деньги, я принялся учить,

как правильно распорядиться чужими.

Про Жука я теперь вспоминал лишь в ванной – когда он глядел на меня с повернутой к зеркалу спины.

* * *

Я часто писал обзоры по валютам (и, конечно, всегда упоминал в них золото) – на эти материалы после начала кризиса возник большой спрос.

Чтобы было понятнее, как работают финансовые аналитики моего типа (а других этот мир не кормит), приподниму мрачную завесу тайны – разумеется, только в той части, которая касается материалов для открытой печати, где мы показываем миру свой благородный профиль.

Когда вы трудитесь на Цивилизацию, надо иметь чуткое, большое и волосатое ухо добра и света, примерно как у Йоды из «Звездных Войн». Два раза вам никто повторять не будет. Повторять не будут вообще. Понимать надо не только прямые указания, но и интонации. И отыскивать эти указания и интонации в информационном поле следует самому.

В тот момент даже дураку было видно, что Картель усиленно шортит золото – причем ясно было, что это длинный тренд. Я определял это просто – почти любой заголовок в мейнстримных медиа, которые я сканировал, содержал негативные эпитеты – и тогда, когда золото шло вверх, и тогда, когда оно шло вниз. Когда золото опускалось, это называлось

«Gold falls, tumbles, precipitates...»⁶ Когда же оно поднималось, это называлось «Gold struggles to recover...», «Gold fails to climb to...»⁷, – и дальше называлась взятая более-менее с потолка отметка, которую золоту опять «не удалось взять». А если, например, золото росло десять дней подряд, но на пятый день чуть припадало, заголовки были такие: «Gold drops first time in five days»⁸.

В общем, со словом «золото» проделывали то же самое, что в конце прошлого века со словом «серб»: при всяком возможном и невозможном случае помещали в негативный контекст (задачу мейнстримной прессы много, а технология, по сути, только одна).

В чем отличие профессионала от лузера-любителя? Лузер склонен к конспирологии. Он будет выяснять, «кто за этим стоит», ротшильды или рептилоиды, хотя еще в школе его учили, что современный финансовый капитал – такой же последовательный интернационалист, как товарищ Троцкий.

Профессионал же, в отличие от лузера, знает, что миром правят не англо-саксы, не евреи, не китайцы – а Дух Денег, чьи пути неисповедимы. Этот Дух надевает на свои бесплотные пальцы самых разных людишек – а потом сбрасывает их, как хирург резиновую перчатку. Поэтому профессионал интересуется лишь четко оформленной тенденцией – и, когда

⁶ «Золото падает, валится, низвергается...»

⁷ «Золото пытается оправиться», «Золоту не удастся подняться к...»

⁸ «Золото падает первый раз за пять дней».

она делается ясна, берется за работу по ее монетизации.

Мои обзоры были позитивны, корректны и насмешливы — но изнутри напоминали невидимое миру кровавое самобичевание, которому подвергают себя фанатики-шииты.

«Что делает «золотой жук», уходящий из доллара в золото? Он, по существу, шортит Америку, все увереннее и увереннее выходящую из кризиса. Он надеется заработать на крахе мировой экономики (который, чего уж тут скрывать, пытается приблизить своей «рыночной активностью»).

Со времен Великой Депрессии известно, что перевод значительных сумм в золото можно рассматривать как своего рода финансовую диверсию, ибо это серьезно понижает скорость обращения денег. Но все быстрее нормализующаяся экономика развитого Запада, несомненно, способна это пережить. Так что не будем осуждать нашего горе-инвестора — свобода действия всех рыночных операторов как раз и гарантирует устойчивость западной экономической модели.

Вот только какой же угрюмый и пессимистичный склад ума нужен, чтобы не понимать простых истин: будущее не за мертвыми слитками металла, лежащими в банковском сейфе — оно за умными часами, смартфонами, частными космическими кораблями, компьютерами «apple», новыми медицинскими технологиями, юными дерзкими умами. Словом, за Атлантом, держащим на своих плечах неостановимый прогресс человечества.

Если коротко, золото падает, потому что у него нет покупателей. А покупателей у него нет, потому что на дворе двадцать первый век. Золото вышло из моды примерно так же, как штаны-бананы. Оно уже давно стало просто бессмысленным блестящим фетишем, который до сих пор хранят зачем-то люди, застрявшие в своем внутреннем средневековье.

Поэтому не стоит удивляться, что традиционная функция safe haven⁹ на наших глазах естественным образом переходит от золота к доллару – как роль главного транспортного средства перешла в свое время от лошади к —»

Это был, что называется, business as usual – таких статей я написал не одну, не две и не три.

Но потом начался укрокризис, и все системы координат испытали резкое искажение – как будто их погнуло взрывной волной от «Бука».

Из-за сложных материальных обстоятельств мне теперь приходилось трудиться больше – и я стал понемногу брать халтурку из других мест, работая и на ватный дискурс тоже (разумеется, под псевдонимом).

По причине общего российского неустройства (и, я бы сказал, глубокой отсталости даже самой нашей отсталости) «работать на ватный дискурс» означает, по сути, создавать его на ровном месте – так что грех мой был двойным.

⁹ Убежище, средство сбережения.

Вата, чтобы было ясно – это вовсе не патриархально-православное русопятство под чекистским патронажем, как неверно думают некоторые бойцы. Вата – понятие международное и транскультурное, равно обнимающее, например, боевой флаг американских конфедератов и белую традиционную мужскую сексуальность.

Главное отличие ваты от цивилизации в том, что вата по своей природе реактивна. Она не создает повестку дня, ошарашивающую всех неожиданностью, острым запахом и непонятно откуда взявшимся финансированием, а послушно отработывает ту, что бросили ей в почтовый ящик «силы прогресса» – и при этом надеется победить в культурной войне, на которую ее вызвали этой самой повесткой. Ну-ну, Бог в помощь.

Есть ли у ваты шанс? Нет, пока она остается ватой. Вот салафиты и укры перестали ею быть, разослали всем свои повестки – и у них шанс появился. Они теперь – альтернативные проекты. На самом деле все просто – как сказал великий Гете, лишь тот достоин жизни и свободы, кому дают финансовый ресурс.

Но пусть эту важную и запутанную проблему разбирают титаны фейсбука. Я же скажу только, что для профессионала без личных политических пристрастий вата и цивилизация идеально дополняют друг друга – примерно как тампон и международный женский день.

В качестве иллюстрации своих слов приведу кусочек из

второго обзора по золоту, написанного мной одновременно с первым, но для другого издания – в порядке утилизации невостребованных цивилизацией смыслов:

«Удивительно, но сегодня мы оказались в мире, где нет реального мерила всеобщей стоимости. Если, конечно, не считать таковым листочки пресованной мацы с портретами масонов восемнадцатого века, обеспеченные долгами сидящих на вэлфере афроамериканцев (и афроамериканок, Аарон, афроамериканок тоже – не зря ведь их портреты ставят теперь на банкноты вместо масонов).

Последние десять тысяч лет мерилом стоимости было золото. Но сегодня нам говорят, что оно устарело. До такой степени, что стоило Каддафи только заикнуться о введении золотого стандарта в Северной Африке, как его тут же смел восставший народ.

Действительно, стоящие за долларом люди (или, вернее, силы – ибо насчет их биологической природы окончательной ясности нет) научились серьезно качать цену золота в своей зеленой бумаге. Цель у них одна – сделать доллар незамечным.

Наивные чекисты думали, что трюк – это контролировать как можно больше месторождений нефти и газа. Но действительный трюк – контролировать мировые деньги, за которые нефть продают. Они возникают из ничего, но при этом безальтернативны (даже идиоту понятно,

что остальные мировые валюты вторичны по отношению к доллару и являются просто его функцией). Единственной реальной альтернативой баксу до самых последних времен оставалось древнее как мир золото.

Допустим, вы печатаете эти самые доллары – ничем не обеспеченные расписки, ходящие в качестве средства платежа. Золото – ваш естественный конкурент. Как вам его одолеть? Я не буду углубляться в частности – опишу только самый общий принцип (конкретика чуть сложнее, но не меняет сути).

Продавайте бумажное золото в огромных количествах каждый раз, когда кривая XAU/USD оказывается возле критических точек, роняя его стоимость и теряя много «денег» – убыток для вас не важен, потому что вы свободно эмитируете из межпланетной пустоты те «условные единицы», в которых его несете.

Дети верят, что если переливать воду из одного стакана в другой над ухом у спящего, он описается. А взрослые и серьезные – может быть, самые серьезные на планете дяди – поступают еще проще: они переливают из пустого в порожнее на «Комексе», пока контролируемые ими медиа погружают людей в сон.

Вы не можете покупать «золото» сами у себя, но правая рука Картеля может продавать опционы левой (названия операторов опущены из соображений национальной безопасности, но все, кто в теме, их хорошо знают). Любой

*bullion bank*¹⁰ будет счастлив выслужиться перед начальством. Причем делать подобное лучше всего сразу после очередного выступления старушки-процентщицы на заседании Федерального Резерва с обещанием поднять ставки – чтобы для дураков и финансовых журналистов все происходящее казалось «рыночным» несколько лет подряд.

Всем, кроме этих самых финансовых журналистов, видно, какими блоками бумажных расписок эти веселые расшалившиеся ребята кидаются друг в друга по ночам, когда все остальные игроки уходят спать и ликвидность золотого рынка минимальна.

Поскольку торговля идет на рынке опционов и фьючерсов, физическое золото при этом не сдвигается с места – оно просто становится «дешевле».

Вы повторяете эту операцию столько раз, сколько требуется, неся «убытки» и спокойно глядя в глаза так называемому «регулятору», кормящемуся у вас в обозе.

Дело не в том, что цена золота временно упадет.

Дело в том, что вы напугаете инвестора. Ибо рано или поздно даже самый тупой инвестор поймет, что на золоте сидит кто-то очень большой и мохнатый, желающий остаться неизвестным, и дело тут не в *fundamentals*¹¹, а в том, что рыночные силы порвут любого, еще не понявшие-

¹⁰ Инвестиционный банк, оперирующий большими партиями золота и состоящий в LBMA – Лондонской ассоциации золотого рынка.

¹¹ Фундаментальных факторах.

го, кто держит рынок. Напугать людей достаточно один раз – и у золота долго не будет покупателей. Цена желтого металла начнет глобальный разворот.

Так работает мировое принуждение к доллару. А потом, не сомневайтесь, в золото вложатся те самые ребята, которые нагибали его к земле.

В общем, если вы думаете, что коррупция – это то, что творится в России или на Украине, вы, как бы помягче сказать, провинциальны и не видели зверя страшнее кошки. Все организации, составляющие рейтинги национальных «коррупций», существуют исключительно для музыкального сопровождения подобных финансовых афер, кормящих целые континенты – слишком больших афер, чтобы внимательный глаз журналиста мог случайно их заметить.

Но – увы и увы – то обстоятельство, что с помощью долларowego станка можно до поры до времени издеваться над золотом, вовсе не делает сам доллар надежным способом сбережения. Сегодня его задрали до потолка, но единственной гарантией его будущей стоимости служат менструальные циклы Джанет Йеллен¹² (а серьезные инсайдеры уже не раз и не два произнесли шепотом слово «менопауза»).

ДА, ААРОН, Я СКАЗАЛ «МЕНСТРУАЦИЯ ДЖАНЕТ ЙЕЛЛЕН»! А ПОТОМ Я СКАЗАЛ «МЕНОПАУЗА ДЖАНЕТ ЙЕЛЛЕН»!

¹² Глава ФРС.

Yes, we can kick the can¹³, говорил дядя Барак – но всякая Ponzi scheme, или, как выражаются в России, «пирамида», обречена рано или поздно —»

На подобных виражах мне начинало казаться, что Жук на моей спине поднял золотые надкрылья и грозно жужжит – я приходил в себя. Но текст оставался. Нужно было только подредактировать его чуть-чуть – заменить мацу прессованной морской капустой, убрать на всякий случай этого загадочного Аарона Карловича, афроамериканцев и афроамериканок, хижину дяди Барака и прочие неполиткорректные выплески уязвленного ума.

Такая двунаправленная работа была в высшей степени экономична – все расщепленные в моей голове смыслы находили применение, в то время как при труде на одну цивилизацию в мусор уходило пятьдесят процентов выработки. Мне казалось, что я сменил одноклапывающий движок на двухклапывающий – и попал наконец в ногу с нашей безотходной эпохой.

Я работал быстро, не останавливаясь, с кривой ухмылкой на губах – когда надкрылья на моей спине раскрывались, мне уже не надо было подыскивать выражения. Достаточно было переводить жужжание в слова.

¹³ Отсрочить расплату.

Вот так я стал слышать Жука.

Его голос не был в прямом смысле «жужжанием» — я выражаюсь так лишь для того, чтобы подчеркнуть необычность подобного типа коммуникации.

Скорее, это была возникающая в моем сознании цепочка образов, заряженных эмоцией и волей: как бы комплексный смысловой разряд, пронзавший мое сознание на такой глубине, где существовал один непроглядный мрак. А потом вверх, к светлым слоям осознанного, начинали подниматься пузыри интенций и мыслей — и я замечал, что мне пришла в голову отличная идея.

Так, наверное, происходило и прежде — но сейчас я стал замечать эту глубоководную молнию, мелькавшую время от времени в безднах моего ума (я уже знал, что любой ум — такая бездна, а то, что мы полагаем собой — просто узор на солнечной поверхности воды: не «настоящий» пловец, а контур человеческой фигуры, складывающийся из приходящих с глубины пузырьков).

Когда молния била с севера на юг, я занимался любовью. Когда она била с юга на север — напивался вдрызг. Когда с запада на восток, становился цивилизацией. Когда с востока на запад — ватой. Утрирую, конечно, но совсем немного.

Я нашел происходящему рациональное объяснение: так,

говорил я себе, работает любой человеческий мозг – и, ставя перед ним противоречащие друг другу задачи, я просто стал замечать его глубины, скрытые от сознания... Заглянул, так сказать, за кулисы... Ничего сверхъестественного в этих «молниях» нет, уверял я себя. Все хорошо. Я вполне нормален. Просто я вижу на метр или два глубже – и знаю теперь, что спрятано под асфальтом, по которому ходим мы все.

Но все же меня завораживало открывшееся. Именно эти глубинные разряды и были, по сути, мной – потому что все мои действия оказывались следствиями их быстрого и почти неощутимого просверка... Греки не зря верили в Зевса-громовержца – может, они выражали этой метафорой то же самое?

Увы, как бы современно ни выглядела лакированная поверхность нашего ума, в его глубинах сохранились все кривые зеркала и суеверия, среди которых люди блуждали последние сто тысяч лет. Эти слои с тех пор совершенно не изменились (что несколько подтачивает веру в быстрый прогресс человечества).

Поэтому, когда со мной начали твориться странности, я сразу как-то позабыл все свои естественнонаучные гипотезы – и даже испугался, что мой глубоководный суфлер замыслил меня погубить.

Тьма сгущалась надо мной постепенно. Пока перемены касались простых бытовых привычек, я не волновался – и наблюдал за своими действиями с легкой иронией. То же ка-

салось и все более ватных интонаций, появлявшихся в моих финансовых обзорах.

Голос-громовец, в общем, не требовал ничего чрезмерного – и часто я понимал логику его команд.

Пока эта логика была.

* * *

Жук сказал, что я буду счастлив в любви и встречу родственную душу. Это обещание запало в мою память.

Я был, в общем-то, удовлетворен своими отношениями с Артуром (не хочу втягивать его в эту историю даже мысленно, так что рассказывать про него не буду) – но за годы знакомства между нами накопилась взаимная усталость, а близость выродилась в привычку.

Поэтому я совсем не удивился, когда Жук велел мне обратить внимание на одного молодого умника из Фонда Эффективной Философии, заседающего в фейсбуке.

«Это твоя судьба», сообщила мне одна из глубокоководных молний. Причем несколько раз подряд.

Его звали Семен (да, бывают философы по имени Семен) – и его молодое свежее лицо в круглых очках сразу мне понравилось. Он был, как мне показалось, альбиносом – у него была розовая кожа и очень светлые, почти белые волосы. Но это мне тоже нравилось. Он был моложе меня.

Сомнений насчет него не было никаких – у нас так часто

бывает при первом взгляде на фотографию. Как сказал один знакомый гомофоб: «знаете, эти мужские глаза, в которых ежедневно отражается чужой член – что-то в них меняется навсегда...»

Я прочитал все доступные статьи Семена – и он надолго погрузил меня в философические мысли. Если они вам не интересны, прыгайте к следующей главе – сюжет они не развивают никак. Но мне кажется, они важны, потому что мы начинаем сближение с другим человеком, пропитываясь теми смыслами, среди которых он живет.

Семен называл себя «либералом» – но не в том кухонном смысле, в каком либералы мы все, а высоком идейном. Он был либералом-философом.

Для москвича это было самой умной и безрисковой лонг-позицией: ясно было, что ФСБ не даст свежим росткам европейского выбора зачихнуть без еды даже в наше смутное время. В России не рекомендуется непрошено подвывать утюгу, кидая камни в либеральную витрину Отчизны, на которую тратит последнюю выручку Газпром – но можно без всяких проблем годами состоять в непримиримой фронде, откуда набирают кадры для министерства финансов.

Властям ведь не нужны неуправляемые друзья. Властям нужны управляемые враги – чтобы ниша была плотно занята и случайных идиотов в ней не заводилось. Чирикать они могут что хотят – главное, чтобы в час «X» повернули толпу куда надо. Вот поэтому чекисты будут надувать через ка-

муфлированную соломинку все это либеральное разнотравье и многоцветье, даже если нефть упадет до пяти. А всяких там националистов и патриотов, увы, ждет финансирование только по остаточному принципу. Но вы, я думаю, в курсе и без меня.

Я уважаю любой бизнес – и мне в голову не пришло бы требовать от попики, чтобы тот сам верил в своего бога. Семен в него и не «верил» – сама подобная постановка вопроса была абсурдной. Он был современным оператором смыслов – и не служил идее, а торговал ее деривативами, тщательно обдумывая, с каким продуктом выйти на рынок.

Например, он постоянно повторял: «либерализм исходит из простой идеи – человек принадлежит самому себе. Это есть главная аксиома...» и т. д, и т. п. Про это он мог рассуждать печатными листами, и довольно связно. Но он никогда не задавался вопросом, что вообще значит «принадлежать себе», кто реальный бенефициар этого воображаемого офшора и через какие механизмы происходит контроль. Семен не интересовался этим не потому, что был полным идиотом – а потому, что сознательно кривил, так сказать, туннелем это.

Как философ он, конечно, все время *лгал*. Не в том смысле, что говорил неправду – что есть истина? – а в том, что умно и расчетливо перемещался по полю смыслов, наступая только на те слова, где уже были чужие надежные следы – и именно это было в его философии главным.

Я не видел здесь моральных проблем. Современным философам невозможно было бы жить и работать, если бы они не лгали синхронно сразу всей корпорацией, поглядывая друг на друга для ориентировки – потому что им ни в коем случае нельзя говорить о том главном, что понимает любой трейдер: вся их «цивилизация ценностей и смыслов» принадлежит далеко не себе. Она принадлежит – вместе со всеми смыслами, ценностями и прочими жировыми складками – той самой компании потных от страха фальшивомонетчиков, которую оптимисты называют «мировым правительством».

Если вы занимаетесь золотом, вы знаете все это наверняка, потому что торговля XAU – одна из тех профессиональных кочек, откуда закулисная мировая механика видна безошибочно и точно.

Об этом постоянно пишут в серьезных профессиональных изданиях – потому что играть на рынке, не понимая таких вещей, сложно. Об этом не догадываются только мировые «философы» – но именно в этом и заключается их нелегкий труд.

Картель, управляющий мировыми делами через систему тонкой и многоступенчатой гидравлики, вовсе не таится от бесстрашной философской мысли в сумраке. Он, скорее, сам отбрасывает ту сумрачную тень, в которой философская мысль блуждает, пытаясь понять, на что теперь дают гранты. А на что их дают, проще всего выяснить, посмотрев, чем

озабочены актуальные художники, мыслители и прочий гуманитарный корпоратив.

Я не хочу сказать, конечно, что все эти люди куплены с потрохами. Вовсе нет. Мир гораздо жестче. Платить начинают только тем, кто сам пробился в топ – а к этому моменту всякий мыслитель хорошо понимает, о чем мыслить, а о чем нет. Современный Декарт подобен элементарной частице – он проявляется лишь там, где этого требуют расчеты и балансы. Во всех остальных ситуациях он неощутим как электромагнитная волна.

Поэтому все духовные объекты, мерцающие сегодня в гуманитарной вселенной, сделаны из денег. И основной – вернее, единственный – вопрос философии звучит в наше время так: из чего сделаны сами деньги? Но философы умные ребята и молчат по этому поводу в тряпочку.

Конечно, это поразительно: кто-то, пожелавший остаться неизвестным, вынимает прямо из воздуха нечто такое, за что все остальные (включая самих философов) всю жизнь грызут друг другу глотки, а философы тихонько перетирают «за гендер» и ищут, что бы еще осудить или одобрить своим непрерываемым авторитетом. Вот и выходит, что думать обо всем приходится нам, трейдерам.

Скажу честно, основной вопрос ясен мне не до конца.

Глобальная финансовая система опирается на доллар. Вера в доллар, если по науке, основана на балансе платежеспособности ФРС (сорри, слово «solvency» на русский нормаль-

но не переводится). А этот баланс... Может, это профессиональная слепота и я чего-то не понимаю, но реально он опирается только на тоненькую жилку золота – если, конечно, не считать долгов американских сами знаете кого друг другу. Фед, правда, очень не любит про это вспоминать.

С другой стороны, говорить, что доллар не обеспечен ничем, все-таки преувеличение – он обеспечен хотя бы десятью авианосными группами. Рубль, с другой стороны, тоже вроде бы подкреплен огромным количеством вполне реальных боеголовок, но они ему отчего-то ни капли не помогают... В общем, мой третий глаз, похоже, наглухо закрыт и эта тема для меня мутна.

Но если говорить о практическом аспекте, все очень просто. Доллар – это желудочный сок Картеля, с помощью которого тот переваривает мир. Мы все – пища в желудке. А различные комбинации слов и картинок, встречающиеся в информационном поле мейнстрима – это слюна и ферменты.

Вату даже жалко. Она год за годом пытается создать свою элиту, чтобы перестать быть пищей – а элита, развив когнитивные навыки, прикидывает цепким молодым умом, куда все идет, и превращается во враждебную слюну. И не надо никакой конспирологии – вот я, а вот Семен.

Так что на самом деле Семен был примерно таким же либералом, как немецкая овчарка. Он, как и я сам, был *трейдером* (я, естественно, не вкладываю в термин осуждения). Его ватные оппоненты принадлежали к той же философской

школе, только были окрашены в другую масть, неумны – и уверенно проигрывали собачьи гонки.

Все это не имело для меня значения – рынок философских категорий и их текущие котировки были мне не слишком интересны. Если вы поняли, что происходит с золотом, вы уже знаете, что происходит с культуркой, политикой, идеями и всем прочим. Сила сама себе это продает и сама у себя покупает (см. мой второй обзор по золоту), а рядом стоят такие вот философы и бренчат на своих лирах о том, что... (см. мой первый обзор). Я собственно, и сам был философом – только по commodities. А Семен был брокером по ценностям и смыслам – и работал, естественно, только с теми позициями, которые обещали нормальное ралли.

Поэтому его извод «руссо либерализмо» раздражал меня не своим идеологическим смыслом, а неуместным для пищеварительного фермента пафосом – и особенно постоянными ссылками на какие-то «свободные рынки», которых в мире не осталось года так с две тысячи девятого, что знает любой профессионал (как и все гуманитарии, Семен путал рынок с международным казино, где Картель позволяет Спекуляторам играть чужими сбережениями на старость).

Словом, его философию я всерьез не принимал – да и он сам, скорей всего, тоже.

Но у Семена было удивительное чувство стиля.

Когда в Париже застрелили карикатуриста Шарли и над российскими сетями взошел тэг «Je suis Charlie», Семен не поддался стадному чувству – и солидаризировался с позицией главы французского королевского дома графа Парижского, осудившего одновременно и убийц, и провокацию. Некоторое время в фейсбуке Семена в качестве юзерпика висела строгая надпись на фоне бледных лилий:

JE SUIS LE COMTE DE PARIS¹⁴

Чем он приятно контрастировал со своими соседями. И убрал он эту картинку тоже как раз тогда, когда было нужно, а не тремя неделями позже, как некоторые.

Таких очаровательных мелочей было немало. И еще мне очень нравились конsumerические пассажи Семена.

Их он регулярно вывешивал в фейсбуке между бичеваниями и плевками, доказывая материальную эффективность своей философии. Это была продвинутая схема эконом-потребления по-московски, позволявшая сберегать деньги, сохраняя уважение к себе (и в этом смысле мы с ним были по-

¹⁴ Я – граф Парижский.

что близнецами).

Семен относился к тем молодым московским интеллектуалам, что держат на рабочем столе хумидор и постят в интернете подробные отчеты о вчерашней дегустации красного.

Таких много, но Семен выглядел среди них крепким профессионалом. Красненькое у него стоило обычно в районе ста долларов, а сигары были настоящей Кубой – теперь в этом уже не было никаких политических двусмысленностей. Демонстрация акта потребления в его постах имела форму внезапного разговора с невидимым другом о приятных мелочах жизни, а определение самого себя через этот акт было таким простодушно-наивным, что даже вызывало симпатию.

Его профильные боевые листки были, правда, не о сигарах. Он как бы ловил утреннее солнце экраном своего смартфона и слепил им мирового Вия – в надежде, что референты уже подняли тому веки. Маркетинг мобильных приложений походил в его исполнении на «Оду к вольности», и наоборот. В общем, паренек пребывал на самом острие духа. И был настоящим интеллектуалом, не то что помешанный на тачках Артур. Замечу, что нет ничего трогательнее, чем молоденький гуманитарий, рассуждающий о техническом прогрессе. Думаю, что стрэйта примерно так же заводит лепечущая блондинка.

Но особенно меня тешило наше профессиональное сходство. Мне казалось, что мы торчим в информационном поле точно напротив друг друга – как два антипротестных фонаря

на проспекте Сахарова (где-то читал про такие).

Мне нравилась метафора. Да, мы не горим (то есть излучаем сумрак) и больно бьем током любого, кого приводит к нам реальная человеческая нужда. Но мы не полностью лишены полезных качеств — у нас можно поучиться недорогим стилистическим решениям.

Хумидор, хорошее красное и приемник метаспама, требующий ежедневной подзарядки и ношения на запястье, уже почти объединили нас с Семеном в одно целое: чем дольше нас подвергают гипнотическим процедурам, тем полнее мы принадлежим себе, я помню, и самое сладостное в том, что одна из этих процедур — ты, мой малыш...

То есть я уже начал придумывать двусмысленные нежные фразы, чтобы вдохнуть в его ухо. Словом, я с удовольствием выполнил бы указание Жука плотно сблизиться с так подробно изученным мною объектом.

Вот только...

Рассказывать о дальнейшем мне неловко — читатель может принять меня за извращенца.

Но придется.

* * *

Примерно в это время со мной началось то, что ватная психиатрия называет «расстройством в сфере влечения». Причем расстройство это было таким, что социализировать

его, даже подпольно, не было никакой возможности.

До этого я был малопримечательным в сексуальном отношении человеком – обычным московским геем-тихарем: постил рыб в инстаграм («у девушек есть над нами странная власть...») и ухлестывал за секретаршами на работе, тщательно дозируя свои пассы, чтобы на приглашение к нежному танцу не пришло вдруг позитивного ответа. Как я жил в остальное время, каждый, кто в теме, понимает сам.

Конечно, жить с такой ориентацией в России непросто. Не столько из-за всеобщей гомофобии, как это иногда представляют на Западе, сколько из-за некоторой, я бы сказал, былинности русского сознания. Русский человек все видит в сказочном свете – и гомосексуальность тоже. И, самое главное, он постоянно норовит объяснить, как все устроено на самом деле – и его бесстрашная мысль рано или поздно настигнет вас даже за пределами фейсбука.

Одно время я собирал народные мысли и мнения по поводу однополрой любви. Например, один из известных московских нациков, с которым я немного общался, когда учился в финансовом, обрисовал суть проблемы так:

– Гомики тоже бывают разные, Крим. Если сравнить немецкую и английскую педерастию, они имеют совершенно противоположную природу. Немецкий гомосексуалист, если заглянуть к нему в подсознание – это кающийся воин, наложивший на себя позорное проклятье и епитимью за то, что предал фюрера. У них на парадах гей-БДСМ вместо «тиг-

ров» и «пантер» – умерщвление духа, скрытый протест. И чем яростнее эти белокурые бестии ухают, трахая друг друга в задницу перед камерой, тем страшнее должно быть умному наблюдателю: добром это не кончится точно. А вот англичанин... Англичанин – это гомосексуалист истинный и настоящий, в полном смысле слова, до ногтей и корней волос...

В другой раз я нашел на астрологическом сайте подкаст, где подробно, с диаграммами, объяснялось, что женщины делаются феминистками/лесбиянками (подозреваю, для автора это были синонимы) под энергетическим влиянием рептилоидов-самок с планеты Нибиру.

А совсем недавно таксист-частник с исламскими четками на зеркале, подвозивший меня в четыре утра, сообщил мне следующее:

– Я что слышал, знаешь, да? Всем миром правят масоны. А самый главный в мире масон сейчас лютый пидарас. Говорят, совершенно бешеный – всех вокруг пытаетесь отпидарасить при любой возможности. То есть ебанутый реально. Каждый вопрос к этому сводит. И вообще всю мировую культуру хочет поменять, пока возможность есть. Это с самого верха идет информация...

Концентрированный итог моих антропологических изысканий уместился в одну емкую цитату, висевшую над моим рабочим столом:

«Содомит не человек, показал российский философ
Дупин, во всяком случае с точки зрения классической

философии. Платон говорил, что человек есть двуногое животное, лишённое перьев. Ощипав курицу, Аристотель заставил Платона добавить к этому описанию плоские ногти. Легко видеть, что на петухов ни первое, ни второе определение не распространяется».

Конечно, можно было долго веселиться, собирая эти духовные искры, что я и делал, предполагая со временем вылепить из них достойный нашего грозного и великого времени нарратив. Но ужас в том, что подобные мемы способны менять ту реальность, где живет их собиратель.

Дело тут не в суевериях, а в безжалостном научном знании. Если верить современным физикам, все вообразимые миры – если мы можем описать их словами – обязательно существуют где-то в мультиверсе хотя бы в виде симуляции. Отчего же, спрашивается, я не могу проснуться в одном из них? Именно в том, какой описываю?

Поэтому из суеверного страха я прекратил фиксировать народные заметы, опасаясь, что если в моей коллекции их окажется слишком много, я просто провалюсь в создаваемое ими пространство. То есть даже не провалюсь, а просто не смогу уверять себя и дальше, будто живу в каком-то другом.

И не подумайте, что я занимаюсь пропагандой гомосексуализма. В отличие от платных наймитов ЦРУ я отчетливо понимаю бесперспективность подобной агитации на суровых российских просторах. Более того, я ответственно объ-

являю, что ничего хорошего в гомосексуализме нет и он имеет много таких скверных аспектов, о которых натуралы даже не догадываются.

Если у вас есть возможность оставаться натуралом – оставайтесь, в нашей стране вам будет намного проще. Вот только у тех, кому судьба сдала эту карту (или, как сейчас выражаются, набор хромосом), увы, выбора чаще всего нет.

Я часто вспоминал по этому поводу один диалог из дневников Ильи Ильфа. «Вы марксист?» – «Нет. Я эклектик». – «А по-вашему, эклектизм – это хорошо?» – «Да уж что хорошего». Записали: «Эклектик, но к эклектизму относится отрицательно».

Вот это в точности о нас.

Поэтому я только морщился, встречая в сети карикатуры на тему того, что «гомосексуализм излечим». И вдруг выяснилось, что в этой шутке...

Началось все с картинки на моем айпэде. Не помню, как я на нее попал – кажется, искал какую-то информацию для расширенного обзора по commodities и выбрел на длинную статью. Сама статья была очень интересной и утверждала, помимо прочего, что относительная динамика пары LUMBER/XAU (да, древесина/золото – как ни странно такое звучит) способна предсказать поведение рынка акций: когда золото ведет себя лучше древесины, волатильность скоро вырастет.

И волатильность не заставила себя ждать.

Статью иллюстрировала фотография только что поваленного дерева, распиленного необычным образом – его будто бы рассекли от верхушки до корней огромной саблей. Половинка дерева лежала на земле, из нее торчали еще живые ветви – и оранжево-янтарная сердцевина ствола влажно блестела в утренних лучах...

Я почему-то вспомнил, что череп, через который пропустили для ориентировки на местности золотого жука в рассказе По, был прибит к ветке (это, разумеется, превращало сюжет в чистую условность – за несколько десятков лет любое дерево заметно меняет свое положение в пространстве, и описанная в рассказе система целеуказания невозможна). Но это неважно, думал я. Жизнь удивительна, мир полон рифм...

Со мной произошло что-то странное. Я зевнул – и ощутил в груди удивительную искристую легкость, словно только что вдохнул аромат незнакомого прежде счастья. Заклучалось счастье в том, чтобы лечь на этот свежайший влажный срез всем телом. Надо было лечь голым животом и прижаться к этим щепкам, занозам и капелькам смолы. Мысль о смоле, о ее густом и пьянящем запахе, волновала почему-то сильнее всего – и я с изумлением понял, что у меня эрекция...

Я жутко развеселился и вечером рассказал обо всем Артуру. Я специально сгустил краски, сделав свое переживание скорее смешным – в то время как на деле оно было очень волнующим.

Мы немного выпили, разогнались, пошутили насчет молодых пеньков и перешли к делу. И тут я с изумлением понял, что мой мускулистый Артур вызывает у меня... примерно такие же чувства, какие вызывало раньше распиленное пополам бревно. То есть никаких.

Мало того, я даже понял, как воспринимают мужскую телесность натуралы-гомофобы: темные завитки волос на теле Артура, пупырышки на его коже не волновали и притягивали, а вызывали брезгливое желание отодвинуться, словно я оказался в раздевалке слишком близко к чужому потному телу, от которого могу подцепить кожную болезнь.

– Да... мы действительно кажемся им уродами... – прошептал я.

– Что? – спросил Артур и заложил руку за голову, открыв подмышку с чуть влажной темной прядью.

Это свело бы меня с ума еще день назад – но сегодня вызвало почти тошноту. Особенно слегка прибитый женским дезодорантом запах мужского пота.

Что было совсем странно.

Перед нашими встречами Артур действительно пользовался женским «Pink Crush Stick» брэнда «Teen Spirit» – и делал это по моей просьбе. Это было нашей секретной традицией.

Так уж получилось – однажды, в самом начале нашего знакомства, когда мы впервые остались у него дома на ночь, у него кончился дезодорант. Тогда он залез в шкафчик своей

младшей, но очень продвинутой сестры Агаты (она иногда жила в его квартире) – и одолжил этот самый «Pink Crush», который та покупала из-за каких-то музыкально-культурных аллюзий, в то время совершенно мне непонятных. С этим дезодорантом у нас было связано много воспоминаний – и Артур специально затаривался им на Амазоне.

– Артур, – сказал я, – ты знаешь, я себя сегодня совсем плохо чувствую... Ничего не получится...

Он позвонил на следующий день, но я сослался на головную боль. Через три дня – опять. А еще через день он прислал мне с курьером две смолистых доски со строительного рынка. К ним прилагалась язвительная записка (в ней я впервые увидел слова «дендрофилия» и «арборфилия» – Артур не поленился слазить в интернет; он клялся, что в память о наших лучших минутах никогда не опустится до *дендрофобии*).

Но самое жуткое было в том, что вместо обиды я испытал... вожеление к этим доскам. И как только курьер отбыл, я затащил их в квартиру, бросил на кровать... В общем, избавлю читателя от подробностей, хотя они могли бы, верно, развлечь равнодушного к чужой боли человека. Заноза на приборе – не самая приятная вещь.

С тех пор и начались мои муки.

Разумеется, первым делом я захотел узнать, один ли я такой в мире – и погрузился в интернет.

Конечно же, оказалось, что нет. *Дендрофилия* и *арборфилия* (как и было сказано) оказались почтенными и древними видами спорта; было даже слэнговое выражение «go green». Isn't it good, norwegian wood?¹⁵ Хиппи, энвайронментализм, очки Боно, дупло «Joshua Tree»... Намеков, рассыпанных по культурному пространству, было множество. Имелась и пара роликов на ютубе – скорее юмористического характера, но эти, так сказать, искры и дым указывали на существование мощного, хоть и глубоко скрытого пламени.

Вместе с тем, четкой и ясной информации было мало. Никакого сексуально ориентированного «общества дендрофилов» или «лиги арборфилов» не существовало в природе. Я понимал, отчего это так, по себе.

Прочие дендрофилы просто не были мне интересны – как одному сексуально озабоченному натуралу не интересен другой. Я не искал общества подобных себе. Я искал тенистой и прохладной древесной мглы, под сенью которой я мог остаться наедине со своей новой страстью.

В случае крайней нужды я мог обойтись и без живых де-

¹⁵ «Норвежское дерево – ведь неплохо?» (Из песни «Битлз».)

ревью: лавка с дыркой из детского анекдота действительно способна была мне помочь.

Но если рядом был лес...

Я стал ездить туда, как другие ходят в массажный, так сказать, салон. Сдирать кору с дерева было для меня так же волнительно, как школьнику – снимать с одноклассницы игрушечный бюстгальтер. Но к моим переживаниям добавлялась странная – и, конечно, неестественная – радость от того, что дерево не может мне помешать, не может воспротивиться: оно было как бы связано, усыплено наркотиками, и моим сообщником в этом сомнительном спорте была сама природа.

Только этого мало, сказал поэт. Крайним, ни с чем не сравнимым по преступности и остроте наслаждением было срубить деревце (иногда я истекал грешным соком, не успев закончить работу), а затем, резко и грубо сбив топором кору, лечь на влажный ствол, еще не знающий, что он уже мертв, убит... Это знал пока лишь я, и гладил еще живое дерево, хватаясь за его ветки, чтобы не сойти от исступления с ума.

А вершиной доступного мне экстаза, той гранью, за которой уже чудились ворота в мир богов, бывал момент, когда на пике наслаждения я видел перед собой *золотую каплю смолы*, где соединялись все милые мне смыслы.

Думаю, гражданам традиционных ориентаций будет сложно меня понять – и хорошо, что так. За наслаждения подобной интенсивности грешников попроще отправляют строить шоссе длиною в жизнь. Я же рисковал только минимальным

штрафом за порчу зеленых насаждений и конфискацией топора.

Некоторые деревья были отчетливо женственными, некоторые – мужскими (это зависело от их формы, от выступов коры и характера раздвоения ствола). Но, как ни странно, меня тянуло к женским так же сильно как к мужским – древесный пол был мне не важен. Я оказался, как выразился бы язвительный Артур, *дендробисексуален*. И если я чаще срубал для своей потехи мужские деревца, то лишь потому, что по-сексистски полагал: в небесной канцелярии, где ведется счет моим грехам, за это меньше спрысят.

По этой же причине я никогда не трогал маленьких, трогательно тонких ростков, покрытых первыми клейкими листочками – это позволяло мне сохранить хоть какую-то тень респектабельности в собственных глазах. Хотя должен признаться, что сцена из фильма «Табу», где Такеши Китано одним ударом своей катаны срубает юную цветущую вишенку, стала моим видеофетишем номер один – и с большим отрывом. Остальной же фильм со своей кровавой гей-азиатчиной теперь казался мне малоинтересным.

Я могу бесконечно продолжать эту экскурсию по смолистым лабиринтам своей страсти – но подозреваю, что читатель (даже активист ЛГБТ) примет меня за психопата: увы, реальность такова, что радужный флаг было бы правильно поменять на семь оттенков серого, в которых эти обласканные цивилизацией и ненавидимые ватой люди пытаются уви-

деть свое «разнообразие» и «непохожесть на других» (утверждаю это как один из них).

Если вы мужчина и трахаете других мужчин, это вовсе не делает вас «другим» и «не таким как все». Вы такой же точно, как все, просто трахаетесь с мужиками. И нетерпимость к другим в вас та же самая.

Я знаю, о чем говорю: когда во время нашей последней встречи я попытался нарядить Артура *железным дровосеком*, он сорвал масленку со своей головы и разбил ею мою новую плазменную панель. Хорошо, что я не успел выдать ему топор – а то пришлось бы бесплатно сняться в American Psycho.

После этого я видел Артура только один раз (если не считать, конечно, его новых фотографий с *телочками* в инстаграме). Он назначил мне встречу в натуральном клубе и пришел туда с сестрой Агатой, словно оскорбленный повар, предлагающий клиенту рыбную альтернативу. Сестра у него, кстати, была очень красивая. Мы поговорили, выпили – и разошлись навсегда.

Закончу эту постыдную страницу прямо здесь – и прошу поверить мне на слово: моя дендрофилия, нелепо-смешная со стороны, была глубокой как море, такой же неисчерпаемой и крайне, крайне затратной.

Одна поездка к секвоям обошлась мне в несколько месячных зарплат... Опущу детали – скажу только, что это было как секс с Цезарем (здесь меня поймет и гей, и натурал). Де-

ло в том, что в готическом сумраке древнего леса меня арестовал полицейский, конфисковав кору и двухтысячелетнюю древесину, из которой я планировал выточить *дилдо Тибетия*.

Близость либеральнейшего Сан-Франциско, увы, не помогла. Штраф был огромен. Но я не жалел ни о чем.

Ля-ля тополя...

* * *

При этом я жил, работал и даже размышлял иногда на вечные темы... Я оставался материалистом и по-прежнему верил лишь в мистику рынка. Как ни велик был соблазн возложить вину за происходящее на Золотого Жука, я не поддавался и считал его привидевшейся мне галлюцинацией.

Наука считает, что «видения», «знамения» и «вещие сны», посещающие человека, возникают из его личного багажа и похожи на результаты вычислений, проделанных в фоновом режиме. Видимо, Жук был моим отражением, как бы образом моего «я».

Я практически не сомневался, что дело обстоит именно так. И все же, проходя мимо церкви, я несколько раз испытывал странный соблазн зайти в это заведение и уколоться самым древним из известных человеку седативов.

Правда, стоило представить себя стоящим со свечой перед иконой – и не по служебной необходимости, как сами знаете

кто, а всерьез, – и желание угасало.

Кроме того – и это было куда важнее, – церковь, мимо которой я ходил, была построена совсем недавно и имела такую характерную ауру серьезного бизнес-проекта, что любой контакт с этой энергией был бы неотличим от приобретения миноритарного пакета акций и последующих бесед с представителем фирмы-эмитента.

Самое же главное, это было капитуляцией, после которой от меня осталась бы только пыль. Мне пришлось бы отступить от слишком многого и жить в облаке греха вместо облака «apple».

Я, однако, все еще колебался.

Спасло вот что: однажды я увидел на своем пути свежую табличку с крестом, стрелкой и словом ХРАМ – и прочел слово как «Экс-пам», успев даже предположить, что это новая разновидность религиозного спама, названная так в честь Св. Андрея. Мысль меня рассмешила, и наваждение прошло.

Я чувствовал: пока я остаюсь последовательным материалистом, в моей дендрофилии еще нет ничего страшного. Это был просто психический дефект – а кто сегодня без них? Хотя я и бегал голый с топором по лесу, я не убивал людей и был во всех остальных отношениях нормальным членом общества, даже платил налоги.

А вот если бы я отказался от трезвого взгляда на жизнь, тогда моя вселенная немедленно заполнилась бы ангелами,

демонами и необходимыми для техобслуживания бородатыми специалистами в рясах, приехавшими в мою душу на свой кадильно-распевный корпоратив. Нет, спасибо – я держался за свой материализм так же крепко, как деревенская бабка за икону.

Поэтому меня поражало и даже оскорбляло, что в моем собственном бизнес-издании печатали иногда совершеннейшую лабуду: какие-то кандидаты физико-технических наук писали прелестное и смутное – мол, природа сознания непонятна до сих пор... квантовые трубки... дуальность... мировая душа... И это – прямо под кросс-курсами валют и ценами на золото и нефть.

Я подозревал, впрочем, что они по работе заняты тем же, что и я – генерируют энтропию. Мне самому вопросы материи и духа были ясны настолько, что я мог при необходимости прочистить загаженные юные мозги – это, кстати, и произошло, когда Артур привел на нашу последнюю встречу сестру Агату, приехавшую в Москву из Гоа, чтобы поднять финансирование на следующие полгода у моря.

Агата оказалась настоящей красавицей – и была при этом похожа на брата. Артур со смехом рассказал, что его называли в честь писателя Конан-Дойля, а ее – в честь Агаты Кристи.

Если бы я увидел Агату на год раньше, я бы, наверно, развлекся, мысленно перевоплощая ее в другого Артура – совсем еще юного, свежего и переодетого в женское платье (подобная медитация позволяет отжать небольшой эротиче-

ский контент, все-таки содержащийся в женщине – у нас его называют *рыбий жир*). Но теперь...

Меня волновали не Артур с Агатой – а доска стола, за которым мы сидели. Она была залита прозрачным лаком, и тонкий древесный узор казался мне бесстыднейшей из порнографий, которую, к счастью, в самых нескромных местах закрывали пепельницы, тарелки и стаканы.

Агата, как и все чиксы в этом возрасте, была высокодуховным существом (и мезозойским рыбьим мозгом осознавала, конечно, что это сильно поднимает ее капитализацию).

– Мысль непредсказуема, – говорила она, потряхивая бурами и брелками с профилем какого-то бхагавана. – Никто не знает, что такое сознание.

Почему-то все они любят «Байлиз» со льдом. Наверно, там есть вещества, в которых нуждается молодой женский организм, готовящийся к продолжению рода.

– Я знаю, – ответил я. – И сейчас объясню. Вот простейшее рассуждение, которое ты, милое дитя, сможешь повторить сама, когда уедешь в свое Гоа и дяди не будет рядом... Итак...

Дальше я загнул по очереди три пальца.

– Мысли – это эхо электрических разрядов в нейронных цепях мозга. Сперва происходит разряд, а потом появляется мысль. То, что мы осознаем ее с задержкой – доказанный научный факт. Это раз. Электрические разряды, как и все другие материальные эффекты, зависят только от начальных

условий и физических законов. Это два. Значит, наше мышление – это такой же материальный, предопределенный и предсказуемый процесс, как движение бильярдных шаров по сукну или бег планет вокруг солнца. Это три...

Бедная девочка так и не нашлась, что ответить.

Надо сказать, я ни разу не встречал убедительного возражения на этот силлогизм. И действительно – как возразить? Говорят, что сегодня физики как-то подверстывают к делу свою квантовую неопределенность – но это пока просто болтовня. Если Бог играет в кости, то Он знает, что у Него выпадет, даже когда Он этого не знает. Думаю, со временем Ватикан это разъяснит.

Я всегда верил в простой причинно-следственный мир – и меня завораживала подразумеваемая им картина. Выходило, что курс доллара к юаню и цена на нефть, скажем, через три года, два месяца и четыре дня уже в сущности определены – и неизвестны никому лишь потому, что в любой человеческой модели невозможно учесть все переменные.

Пятнадцать миллиардов лет назад вселенная начинала расширяться, и уже тогда все мои желания и интенции – даже такие тривиальные, как желание почистить зубы или сходить в туалет, – были полностью предопределены. Точно так же заранее заданы взлеты и падения бизнесов, траектории стран и судьбы народов.

Это может показаться неправдоподобным, если вы, к примеру, содержите в Москве небольшой ресторан. Или работа-

ете совестью нации. Или, что бывает особенно часто, совмещаете оба занятия. Тогда из-за постоянных профессиональных коллизий вам кажется, что и материальная, и духовная реальность меняются абсолютно непредсказуемо и хаотично.

Но если вы трейдер, то в душе вы знаете, что все в нашем мире предрешиено.

У трейдеров есть целое искусство чтения графиков — charting. Вы смотрите на кривую изменения стоимости вашего актива за долгий срок, накладываете на нее особые математические треугольники и ассимптоты (не буду уходить в детали, они весьма эзотеричны) и с высокой степенью точности предсказываете, как будет дальше меняться цена.

Разве было бы такое возможно, не будь судьба мира заранее записана на скрижалях? От обычного смертного будущее скрыто, но те, кто состоит при Деле, давно научились заглядывать в щелочку и видеть все необходимое.

Нет, мы не знаем, конечно, полной картины грядущего, но фокус именно в том, чтобы увидеть в щелочку ровно столько, сколько необходимо для получения прибыли — и отвернуться от остального. Это по какой-то причине допускается. Захотите большего, и против вас повернутся законы природы. Согласитесь на меньшее — обидятся акционеры. Так работает весь Уолл-Стрит, а не одни только гадалки и ясновидцы.

Иногда, пробираясь с топором под мышкой сквозь лесную

чащу, я думал об этих великих тайнах – и страх, сопровождавший мои экспедиции за счастьем, придавал моим мыслям остроту афоризмов.

«Будущее состояние материальной Вселенной определяется настоящим, а мозг – просто материальный объект. И я, и все остальные материальные тела, сквозь которые дует сквозняк мыслей – всего лишь следствие событий, случившихся в далеком прошлом».

«Свобода воли на самом деле просто синоним неосведомленности – и заключается в том, что никто пока не построил компьютера, способного рассчитать уже заданные события и эффекты, которые произойдут в нашей психике. Единственный компьютер, действительно способный это сделать – сама разворачивающаяся Вселенная, но она считает с такой скоростью, что предсказание события совпадает с ним самим...»

«Мысль так же материальна, как мираж в пустыне».

А потом я находил свое дерево – и забывал про все.

* * *

Снаружи я был весел, обворожительно циничен и благополучен – но изнутри моя жизнь стала кошмаром.

Я не решался пойти со своей проблемой к врачам, понимая, что сразу окажусь в дурдоме – туда в нашей стране могут посадить вообще кого угодно, от радикального худож-

ника-акциониста до простого бухгалтера, которого облучили пришельцы. А тут...

Допустим, я рассказал бы врачам про дендрофилию. Это они еще нашли бы в своих каталогах. А потом меня спросили бы – а когда это началось? С чего?

И тогда мне пришлось бы поведать про свой разговор с Золотым Жуком. А там и про суицид... Возможно, по отдельности московские доктора еще смогли бы это переварить – но вместе... А если бы вдобавок вскрылась моя привычка бегать по лесу в плаще, накинутом на голое тело, с дорогим американским топором в подплечной петле...

Я сам запер бы такого пациента в мягкую камеру. И посадил бы, наверно, на какие-нибудь сильные седативы – из тех, которые больше похожи на сельскохозяйственные удобрения для подкормки овощей.

В общем, медицина мне помочь не могла. Она могла мне только помешать, и сильно. Мне приходилось жить со своей дикой невозможной тайной – и каждый день делать вид, что я такой же, как окружающие меня люди – геи, натуралы и женщины.

Мало того, судьба словно издевалась надо мной. Я встретил наконец в оффлайне Семена, так вероломно обещанного мне Жуком.

Я увидел его на одном из тех загородных экономических семинаров, где сидящие на чемоданах специалисты Высшей Школы Экономики объясняют конным чекистам, что насто-

ящая суверенность лишь тогда чего-то стоит, когда опирается на казначейские обязательства США, а гарантией подлинной многополярности в нашем непростом мире может быть только долларовая база. Светское мероприятие, почти что матч в поло.

Семен сидел в первом ряду, стильно и ярко одетый, в дорогих наушниках. Сперва даже непонятно было, кого он слушает – меня или музыку.

Почему он здесь, было ясно вполне – мы ведь не дети и отлично знаем, кто сегодня кормит наших либералов: бесчеловечно было бы снять людей с западного финансирования, не предложив взамен своего. Растить сто цветов, чтобы с самого начала держать под контролем всю клумбу – это, кажется, называется, «активное мероприятие».

Я говорил в той доверительно-простецкой манере, которую так любит подобная аудитория, всегда почему-то уверенная, что ей излагают самый свежий и точный инсайд – хотя сообщают ей обычно банальности, понятные и умному школьнику. Я в этом смысле не был исключением и отрабатывал свой гонорар без излишнего энтузиазма, сгибая послушливые слова строго под вкус собравшихся.

Про золото я говорил немного дольше, чем требовалось, и объяснил, что никакого падения XAU по большому счету не было, а был рост доллара: во всех остальных валютах – евро, йене и особенно в какой-нибудь там норвежской кроне – золото ведет себя надежно, не говоря уже о деревянном.

Потом я немного рассказал, как работает долларový насос, сделав одно отступление, обычно радующее вату:

– Валютная ипотека не есть наша национальная проблема. Долларový Картель – это росянка. Вот представьте, летит какая-нибудь азиатская муха – и видит красивый цветок. Муха садится и набирает бесплатных кредитов в дешевом долларе – в полной уверенности, что нашла бесконечный источник нектара. А потом доллар взлетает на тридцать процентов к ее валюте, цветок закрывается – и мухе надо отдавать совсем другой кредит. Эта схема внешнего экономического пищеварения известна всем, но я хочу обратить ваше внимание вот на какой ее аспект: в ней не задействована ни одна материальная сущность вообще. Чисто духовный процесс. Поэтому Дух Денег – вовсе не метафора. Это в нашем мире реальность номер один. Но, как вы понимаете, «Эго Мацы» вряд ли вам про это расскажет...

По ледяному молчанию зала я понял, что зря ляпнул про эго мацы.

Когда стараешься говорить приятное любой аудитории, нередко происходят ошибки, поскольку ни одна аудитория сама не знает до конца, что ей приятно, а что нет, и подобная беспринципность способна оскорбить людей, показав им, что ты о них думаешь... И потом, в чем, спрашивается, был циничный расчет? Обругать конторское радио, выступая перед конторой? Майор Карнеги нервно перевернулся в гробу и закурил.

К счастью, начались вопросы.

А разве сама Америка не страдает от сильного доллара, спросил меня какой-то пожилой мужчина, похожий на ельцинского товарища по теннису.

– Так точно, – ответил я, – страдает. Сильный доллар их экспортерам нужен примерно так, как нам тридцатка за барель, потому что экспорт становится дорогим и падает. А у них это – около половины прибыли больших корпораций. В Китае сейчас кисло, юань падает, евро тоже топят изо всех сил – причем сами европейцы. Но долларовый Картель и Америка – не совсем одно и то же. Вернее, совсем не одно и то же. Поэтому пока одни жуки опускают евро с юанем, другие жуки поднимают доллар...

Семен чуть нахмурился, словно увидел тучку на ясном небе. Все-таки слушал он не музыку, а меня. Но я уже понял, как завоевать его сердце.

– А наши вожди... Как бы это помягче объяснить. Вот в восьмом году наехали на грузинов – и одновременно прикупили трежерис¹⁶. И все было чики-чик. А тут... Ладно наехали на укров, ладно Сирия – но ведь стали при этом демонстративно покупать золото, а из трежерис – выходить... Ну вот американцы тоже вышли. В смысле, из раздумий.

Семен по-детски улыбнулся, и все следы непогоды сдуло с его лица.

Чекисты тоже заулыбались – они любят подобную фрон-

¹⁶ Долговые бумаги правительства США.

ду: она кажется им свидетельством искренности. Они, скажу вам по секрету, вообще обожают нас, либералов – и втайне завидуют нашей свободе. Но больше всего они любят, конечно, когда им пересказывают их собственную мифологию.

– Вернее, не американцы, а англичане, – продолжал я, избегая смотреть на Семена. – Потому что, как присутствующие хорошо знают, это не МИ-6 ходит под ЦРУ, а наоборот. Так что сначала принц Чарльз поехал в Саудовскую Аравию и станцевал с ребятами из местного королевского дома танец с саблями. Не по Хачатуряну, а под местные звуки. И немного с Саудами пошептался – ну, как принц с принцами, они только такой уровень понимают. Тогда-то саудиты пробку из бочки и вынули...

Семен устало поморщился.

– Дешевая нефть тянет за собой остальные коммодитиз. Сильный доллар давит на них сверху. А сделать доллар сильнее можно не меняя ставку. Достаточно, чтобы старушка-процентщица из ФРС обещала это каждый месяц. Такое у них называется «forward guidance»¹⁷. Для Америки сильный доллар и положительная ставка – это неприятно, но терпимо, к тому же притягивает капитал. А вот для нас низкие коммодитиз – смерть. Это как мощный дядя душит доходягу-тинэйджера под водой. Дядя тоже дышать хочет, но не так сильно, он дольше может без воздуха...

Семен даже хохотнул.

¹⁷ Ориентировка на будущее (англ.).

– Хотя, с другой стороны, дядя тоже утонуть может... Он ведь гниловатый уже, если честно...

Семен опять нахмурился.

– В общем, вечно так тянуться не будет, – продолжал я, – но ведь и душить доходягу долго не надо. Как говорил великий Кейнс, the market can stay irrational longer than you can stay solvent¹⁸. Доллар сильный, пока мы с вами дышим и разговариваем, а потом зеленого опять сдуют, так что сейчас очень хороший момент войти в XAU. Если вы еще не поняли, к чему я все это говорю...

Семен задумчиво закрыл глаза, словно размышляя, не уйти ли правда из USD в XAU, и если да, то в каких масштабах.

Я заметил, что какой-то господин с бородкой тянет руку, чтобы задать вопрос – и ткнул в него пальцем.

– Прошу вас.

Господин поднялся на ноги. В руке у него появилась сложенная бумажка, что меня немного насторожило.

– Это вы хорошо пошутили насчет мацы, – сказал он. – А я тут одну статейку вашу читал, Кримпай Сергеевич, которую вы под псевдонимом напечатали. Вы там тоже интересно выразились, дайте-ка я процитирую...

Он развернул свою бумажку.

– Вот. «Если разобраться, единственная опора доллара в долгосрочной перспективе – это рептилоидная хуцпа Феде-

¹⁸ Рынок может оставаться иррациональным дольше, чем вы остаетесь платежеспособным.

рального Резерва...» – он поднял на меня очень внимательные глаза. – Скажите, откуда у вас такие сведения? Вы где-то про это прочли? Или, может быть, кто-то устно вам сообщил?

Над залом пролетел смешок.

– Нет, не сообщил, – сказал я, даже покраснев от смущения. – Простите, как к вам обращаться?

– Капустин Федор Михайлович.

Я непроизвольно дернулся, и в зале опять засмеялись.

Это был тот самый Капустин, чьи деньги я потерял.

Теперь я узнал его (раньше я видел только фотографию без бороды и усов – они превратили его в чеховского доктора).

– Товарищ генерал... Я имел... Я хотел... Мы вообще-то не раскрываем своих источников...

– В этот раз придется, – сказал Капустин под хохот зала.

Я вдруг с размаху успокоился.

Как же нелепо было думать, что подобное существо могло заказать кому-то меня – или моего покойного партнера. Какое там. Это ведь не итальянский нобиль восемнадцатого века. Не убийца, а просто чиновник. Все, что он может – это шить двести восемьдесят вторую. Что он, наверно, прямо сейчас и делает – рефлекторно, как медуза.

– Хорошо, – ответил я, – объясню. Хуцпа – это идишизм, означающий предельную наглость. Такую наглость, которая берет города. А слово «рептилоидный» имеет здесь мета-

форический характер. В смысле «нечеловеческий». Я в рептилоидов вообще-то сам не верю. Но приходится говорить на языке аудитории. Что делать, если нашим людям так понятнее. А смысл высказывания в том, что поднимать учетную ставку на пороге рецессии, да еще когда во всем мире ее, наоборот, снижают – это действительно требует нечеловеческой наглости. Вся их хорошая статистика по рабочим местам – фикция и подтасовка, потому что создаются в основном низкооплачиваемые работы с частичной занятостью. Типа подметать тротуар перед Макдональдсом два раза в неделю. И по-любому занятость – это *lagging indicator*¹⁹. Реально они или уже в рецессии, или вот-вот в нее свалятся, а жесткую монетарную политику при рецессии не проводят. Это значит, ставку опять придется снижать – или вообще делать негативной, как в Европе. Неизбежно начнется новый раунд количественного смягчения. При этом доллар, конечно, будет падать, отсюда негативный долгосрочный прогноз. Извините за идишизмы, у меня к ним любовь от бабушки.

Про бабушку я наврал – чтобы он и думать забыл про двести восемьдесят вторую.

– Понятно, – сказал поскучевший Капустин. – Вы вообще хорошо излагаете, Кримпай Сергеевич. Мы вас, наверное, пригласим для консультаций...

– Буду счастлив помочь, – ответил я.

Боже мой, вот она – Россия двадцать первого века. Как

¹⁹ Запаздывающий индикатор.

объяснить этому человеку, что сама необходимость говорить на подобном ватном жаргоне – отвратительном и нелепом, согласен, – вызвана в конечном счете такими, как он? Той средой, которую они создали? Воздухом, который они пропердели насквозь? Ведь эти Капустины даже не чувствуют, как душно в той пропасти, куда они спихнули Россию... Пригласят для консультаций, надо же. Пусть вызывают повесткой.

Тем не менее пережитого страха и унижения оказалось достаточно, чтобы сразу после лекции я ретировался, не оглянувшись на Семена. А мы ведь могли познакомиться – таким, возможно, и был замысел судьбы. По его лицу, по тысяче мелких деталей было совершенно ясно, что... Впрочем, я уже не мог сказать «тоже».

Теперь меня куда больше волновал стул из Икеи, на котором Семен сидел во время лекции. Светлая фанера с разлетным и вольным рисунком...

* * *

Я не пошел ни в церковь, ни к психиатру.

Но все же я не удержался от визита к гадалке, или, как она себя называла, «православному экстрасенсу» (по-другому сейчас сложно). Она работала под псевдонимом «сударыня Анна». Меня привлекло то, что не надо было излагать анамнез: клиенту вообще не следовало открывать рот, она

«слышала его боли» сама... На таких условиях я готов был пообщаться даже со знахаркой.

Сударыня Анна принимала в чем-то вроде старого деревянного сарая, стоявшего во дворе зажиточного загородного дома с несколькими машинами в гараже. Внутри сарая пахло сеном (его там было довольно много) и старым деревом. Я увидел у стены древнюю прялку (видимо, выкупленную в этнографическом музее) и стоящее на четырех высоких ножках корытце с водой, над которым поднималась доска с щелью для лучины.

Это приспособление, чуть похожее на молоденького деревянного жеребенка, приподнявшего попку мне навстречу, сразу показалось мне настолько бесстыдным, сексуальным и запретным, что я даже опустил в смущении взгляд.

Сударыня Анна (кресты, кокошник и два настороженных глаза) сидела на стуле именно возле этого корыта. У нее было скуластое лицо сельской продавщицы и вульгарно яркие губы. Мне пришлось сесть на второй пустой стул – прямо у источника соблазна.

Я предполагал, что знахарка будет щупать мой пульс или глядеть в глаза – но вместо этого она дала мне лучину.

– Потри о голову, – сказала она.

Я подчинился. Тереть пришлось долго, дерево возбуждало – и мне начало уже казаться, что я попал в бордель строго по своему профилю. Но знахарка, к счастью, прервала эту двусмысленную процедуру, отобрав у меня лучину, по-

сле чего вставила ее в раздвоенную доску над корытцем.

– Сейчас огонечек все расскажет, – прошептала она и зажгла лучину от замотанной в бересту зажигалки.

Лучина ярко занялась, быстро прогорела (кажется, она была пропитана чем-то еще кроме моего кожного сала), и ее остатки упали в воду, где с шипением угасли. Только теперь я понял, что этот двусмысленный жеребьячий снаряд – просто старинный осветительный прибор с контуром безопасности.

Сударыня Анна погрузилась в изучение угольков. Это продолжалось минут десять, и к концу процедуры она как-то даже состарилась. Потом она подняла на меня глаза и задушевно сказала:

– Ты, голубчик, вот что знать должен. У каждого из нас есть ангел, который нас создает по божьему образу и подобию. И злой демон, который хочет переделать нас под себя. Ангел на правом плече, а демон на левом. Ты то ангела слушаешь, то демона. А надо тебе пойти в молитве к ангелу, упасть ему в ноги и во всем повиниться... Обо всем-всем рассказать, что на душе. Он тебе поможет, и от демона защитит.

Я сообразил, что она повторяет одно и то же заклинание каждому клиенту – именно по этой причине ей и не надо пачкать мозги об индивидуальные проблемы. Это меня разозлило.

– А что делать, – спросил я, – если у меня нет ни ангела, ни демона, а есть кто-то третий, непонятный? И не на плече,

а на спине?

– Ну тогда иди к нему, – сказала знахарка. – Что ж тебе еще делать?

– А как я к нему пойду?

– Да как раньше ходил, – сказала она, спокойно глядя мне в глаза. – Ты ж его знаешь, верно?

Мне стало страшно. Я поднялся, положил на стул деньги, молча вышел во двор и сел в машину.

Через полчаса езды я остановился и съехал на обочину поразмыслить

Она что, правда была ясновидящей?

Нет, это вряд ли. Просто хороший техник-коммуникатор, слушает, что ей говорят, и делает выводы... Действительно, если я ей рассказал про кого-то у себя на спине, я ведь его знаю? Значит, каким-то образом к нему ходил. Ну вот она и сказала – сходи, мол, туда опять, голубчик. Будь я знахаркой, ответил бы клиенту так же.

Но почему-то до разговора с ней эта простая мысль не приходила мне в голову.

Действительно, если я встретился с Жуком в результате определенной процедуры, и после этого начались мои проблемы – почему бы эту процедуру не повторить? Не самоубийство, конечно. А, так сказать, само погружение. Надо наконец выяснить этот вопрос у Сера. Почему я так суеверно его боюсь?

То есть понятно, конечно, почему... Но хватит уже, хва-

тит.

Я вынул телефон и, не раздумывая больше, набрал его номер.

– Сер, это я. К тебе можно заехать?

Он не удивился.

– Когда?

Я прикинул время на дорогу.

– Часа через полтора-два. Не бойся, все нормально. Надо поговорить.

– Я и не боюсь, – сказал он. – Валяй, заезжай.

У Сера дома все было по-прежнему, только к Мику Джаггеру на стене добавился плакат группы GORGOROTH (длинноволосые люди с гримом типа «ужоснах», в пулеметных лентах и перевернутых крестах). Серверов с мигающими лампочками было уже не два, а три. На третьем стояла роликовая доска с очень убедительно прилипшим песком.

Я коротко рассказал Серу о своем опыте и чудесном спасении, сразу же объяснив, что очень рад постигшей меня неудаче, не держу на него зла и претензий не имею. Жука я не упоминал – говорил только про очень необычные глюки.

– Извини, брат, – сказал Сер. – Я такие вещи не могу комментировать. Твои тараканы – это твои тараканы.

– Хорошо, – ответил я, – комментировать не надо. Но объяснить-то можешь? Слово даю, никому не скажу. Вообще никому и никогда.

Видимо, тонкая разница между двумя глаголами подей-

ствовала на прибитого акселем Сера. Он горестно вздохнул и сел на один из своих серверов.

– Я ж тебе говорил, я в домике, – он сделал соответствующий жест руками над головой. – Доведение до самоубийства – это статья. Или там эвтаназия, или еще что-нибудь – они всегда как надо упакуют. У меня куратор есть, я о таких случаях докладываю. Я и доложил – мол, так и так, один пидор решил вскрыться. В смысле, не расчехлиться, а коньки отбросить... Извини, с ними только так говорить можно, сам-то я нормально...

– Неважно, – перебил я.

– Ну вот он и велел тебя послать подальше. А потом вдруг перезвонил – и говорит, ты это, деньги возьми. А дашь ему нашу специальную пилюлю. С гарниром, чтоб он охуел...

– Какую пилюлю?

– Специально для тебя выдал. Сказал, что новое военное средство по борьбе с психическими девиациями. Приводит в норму при отравлении психотропами и так далее. И, самое главное, купирует суицид. Куратор сказал, ты потом спасибо скажешь. Угадал, че...

– Может, они новые препараты испытывают?

– Вряд ли, – пожал Сер плечами. – Просто бабки с тебя сняли.

– А врачей кто вызвал? Откуда они знают, где я живу?

– Я сбросил куратору твой телефон, – ответил Сер. – Адрес пробить пять минут. Может, они как-то следили – где,

чего. Сейчас ведь у каждого с собой поводок. Через камеру видно, по микрофону слышно, с местом тоже полная ясность. Извини, брат, что не предупредил, но ты бы денег тогда не дал. А куратор про бабки уже услышал, ту сумму, что ты назвал – и велел ему занести, мне только пять сотен перепало. Пришлось бы свои отдать. А я на нуле... Конторский препарат был в кишечной капсуле, это которая с ободком.

– А чего ты мне еще дал? – спросил я. – Что за гарнир?

– Ой, а я уже не помню, что у меня тогда было. Сколько времени-то прошло...

– Вспомни.

Он задумался.

– Ты во время трипа икал?

– Издеваешься?

– Нет, – ответил он. – Сейчас объясняю.

Он действительно принялся объяснять – и очень подробно. Сначала он рассказал про «candyflipping» – так назывался трип на коктейле, как он выразился, из «кисляка и шульги». «Кисляк» давал глубину и контент, а «шульга» – эмоциональный файервол. Альтернативный коктейль назывался «hippyflipping», это когда вместо «кисляка» брали «псилу», она была мягче и умнее, но в комбинации с конторской пилюлей, как предупредил куратор, вызывала икоту. «Гарниром» называлась одна из этих двух комбинаций. Так что, если не икал, значит по первому варианту, с «кисляком»...

Этот фармакологический разбор был мне малопонятен.

Мы с Артуром, как многие в нашем кругу, изредка баловались кристаллическими метами – и каждый раз после этого я несколько дней чувствовал себя так плохо, что зарекался повторять. Но похмельное омерзение забывалось быстро и бесследно – где-то я слышал, что именно эта особенность человеческого мозга и делает нас потенциальными алкоголиками и наркоманами.

Прочие же танцевальные субстанции были мне знакомы плохо – в юности я прошел мимо, о чем совершенно не жалел. Поэтому я задал только один вопрос – не опасен ли для меня «кисляк» с учетом моей повышенной кислотности. Сер выразительно округлил глаза.

– Не знаю, что ты называешь опасностью. Тут у каждого свои тараканы.

– Да, – сказал я, – правда. А эти конторские пилюли у тебя еще есть?

– Будешь смеяться, одна есть. Для тебя оставили.

– Серьезно?

– Угу. Велели выдать. Но только в том случае, если сам вернешься и попросишь. Такой у них, значит, курс лечения... С тех пор и храню.

– Можешь мне опять то же самое намешать? Чтобы все было точно так же?

– А зачем? – спросил Сер.

– Я в тот раз одно кино не досмотрел.

Он поглядел на меня с интересом.

– Не вопрос. Я даже бабок с тебя не возьму.

– Только «скорую» не вызывай, – сказал я. – Хоть раз не стучи, пожалуйста.

Впрочем, я на это особо не надеялся.

За приготовлением моего заказа он пытался вести светский разговор, рассказывая про модные охуяска-трипы – это были путешествия в Южную Америку, оформляемые через одно турагентство: программа была несколько шире, а стоимость немного выше, чем на бумаге.

Я был хмур, непроницаем и только насмешливо кивал. Через пять минут мой заказ был готов.

– Когда куратор мне эти пилюли дал, – сказал Сер, – я, честно говоря, решил, что контора тебя грохнуть хочет... А потом думаю, а зачем тогда вторая пилюля? Через день покурил, и дошло – это, наверно, если с первого раза не получится... гы-гы-гы... Верно они рассчитали.

Вторая капсула выглядела в точности как первая, только у нее был надрезан кончик – и тщательно заклеен снова. Сер сказал, что на эффект это не повлияет. Гарнир был в крошечном пластиковом пакете.

Все оказалось до одури просто. Приехав домой, я в точности повторил то, что делал в прошлый раз. Даже принял последний душ.

Я как бы проснулся во сне, в точности как тогда – но на этот раз глубина была больше. Огни остались далеко вверху. Я видел только их отблеск, словно сквозь толщу воды просвечивали разноцветные звезды. Похоже, фазу попов и драконов я проспал.

Света вокруг почти не было. Но зато во Вселенной время от времени раздавался низкий глубокий звук, будто где-то далеко бил колокол невероятного размера – и его звон был похож на долгое «Ом-м-м-м...» Индусы, кажется, верят, что этот звук создает все существующее. Как знать, может, они и правы.

В этот раз я не боялся. Во всяком случае, в первые минуты: я помнил, что не умру, и мое погружение не может быть вечным. А потом я сообразил, что именно так большинство торчков и умирает – на доверии.

В общем, без спазмов ужаса не обошлось, хотя человек-медуза в этот раз за мной не гнался. Видимо, страх был необходимым ингредиентом опыта. Как только мне стало по-настоящему жутко, в алмазной черноте что-то переменилось, и я словно коснулся дна. Вокруг появился слабый золотистый свет, и я различил перед собой черный силуэт – собственную тень.

Я понял, что прибыл, и теперь надо найти источник этого

света. Как и в прошлый раз, я вспомнил о зеркале, где разглядывал свою татуировку, сделал сводящее с ума усилие – и бесплотно повернулся.

Жук оказался передо мной.

Я видел его, правда, несколько странным образом – ракурс и угол все время менялись: как будто в пространстве вокруг Жука было установлено множество телекамер, и мое внимание поочередно подключалось то к одной, то к другой, то к третьей. Но в целом я мог разглядеть его хорошо.

Жук выглядел совсем иначе, чем я думал.

У него было яйцообразное тело золотого цвета – как бы со следами грубойковки. Вверх от яйца отходило что-то вроде продолговатого клюва или сужающейся длинной воронки с зазубренным краем, похожим на выщербленный носик чайника.

Оказывается, в прошлый раз я разглядел всего Жука, но принял его тело за голову и рог огромного насекомого, не поместившегося в моем поле зрения.

Мне показалось, что я уже видел нечто отдаленно похожее на старых картинах – Иеронима Босха или кого-то другого из чокнутых фламандцев: тогда была манера изображать демонов в виде утрированных уродцев, не столько страшных, сколько занимательных и смешных (что отражало, как я подозреваю, нежелание формирующегося финансового капитала принимать прочие космические силы всерьез).

Ни глаз, ни ушей на этом золотом яйце заметно не было

– но по смутному дрожанию вокруг клюва мне стало ясно, что органы коммуникации этого существа именно там. Поток золотого света бил из клюва Жука, но не слепил и не мешал. Мало того, я чувствовал, что между мной и этим светом есть какая-то связь.

Постепенно я начал различать окружающее пространство – его панорамы менялись вместе с ракурсами Жука. Это был трехмерный ландшафт, похожий на картинку из микромира – увеличенный во много раз фрагмент мушиного живота или микросъемку пыльцы. Жук лежал – вернее, косо стоял – в углублении, покрытом короткими и очень толстыми волосками. Или это было что-то вроде травы?

Но главное заключалось в том, что я увидел самого себя.

Над клювом Жука парило подобие ажурной вуали – круг еле различимого материала, словно бы легчайший парашют. Этот прозрачный лепесток покрывали цветные узоры и пятна, соединяющиеся в рисунок, смысл которого я немедленно понял несмотря на его сложность.

Рисунок был мною. И чем дольше я на него глядел, тем больше узнавал своих черт – словно идиома обрела буквальность, и мои качества действительно оказались черточками и узорами.

Золотые зубцы и клинья, похожие на орнамент вавилонской стены, были моей неутоленной и несчастной любовью к XAU.

Два симметричных синих зигзага были моей профессио-

нальной привычкой отжимать любую тему на два выхлопа – прогрессивный и ватный, причем ватный зигзаг оказался заметно толще (увидеть это воочию было немного неловко).

Любовь к сигарам была пятном, похожим на серое колечко дыма, а красная запятая, напоминающая комариное брюшко, отражала мое винопитие.

Рядом с дымом и запятой я обнаружил философа Семена – это было розоватое наслоение, занимавшее много места, но казавшееся бледным из-за нашего так и не состоявшегося знакомства: возможность, не сумевшая воплотиться, выглядела белым альбиносным пятном... Таких пятен оказалось довольно много.

На рисунке поместилась вообще вся моя история. Я различал нежные тени детства, яркие всполохи юности и золотые струны успеха, о которых писал в самом начале: они действительно выглядели как струны, порванные черной бороздой моей финансовой ошибки. Я видел даже следы символических побоев, нанесенных мне людьми, чьи деньги я потерял – это были прозрачные потеки, похожие на слюну с кровью. А мой материализм отчего-то напоминал распиленную луковицу с антенной.

Словом, здесь была моя суть.

Все это считывалось с одного взгляда – ошибки быть не могло. Наверно, именно так видят человеческую душу загробные судьи – хитрить или изворачиваться не остается никакой возможности. Заглянув в свое судебное дело, я с об-

легчением понял, что ничего особо темного, позорного или нелепого в моей душе нет.

За исключением одной только детали.

Это была моя отвратительная тяга к деревьям.

Она выламывалась из общей картины черно-сине-багровым нарывом. Все остальные элементы моего устройства, даже не особо привлекательные сами по себе, гармонично сопрягались друг с другом – но мой недуг не желал соединяться с прочим в одно целое. Этот разбухший либидозный шанкр был явной инфекцией, он не имел ко мне отношения – и доказательством тому было нездоровое красное мерцание по его границе, как бы зона отторжения. Так выглядели, должно быть, мои душевные муки.

А потом Жук обратился ко мне.

Я ощутил нежнейшее прикосновение чего-то легкого к своему сознанию – словно на мой открытый мозг подул ветерок.

«Пришла пора поговорить».

* * *

В этот раз я не только отчетливо разглядел Жука, но и стал лучше понимать, как именно мы с ним общаемся.

Облако смыслов исходило из его клюва вместе со светом – и Жук продувал его сквозь мою память примерно так же, как курильщик заставляет кальянный дым пробулькивать через

воду. Так рождались те фразы Жука, которые я помещаю в кавычки.

Но на самом деле это была гораздо более широкополосная коммуникация, чем речь. Человеческие слова скукоживались рядом с этим свободным и открытым обменом до морзянки. Слова были нужны мне, потому что ничего, кроме морзянки, я не понимал. Но как только мой мозг начал придавать смысловому потоку понятную форму, я терял Жука из виду. Поэтому, видимо, во время нашей прошлой встречи я так и не смог его рассмотреть.

Скоро я освоился. Секрет заключался в том, чтобы не сползать в воронку слов слишком глубоко. Если это происходило, следовало успокоить ум, настроиться на пространство, где пребывал Жук, и он появлялся передо мной опять. Это было не так уж сложно.

Жук выразил обеспокоенность – и сочувствие тому, что со мной происходит. Он переживал мою боль как собственную – хотя бы потому, что был вынужден сам создавать ее на моем *пергаменте* (именно это слово возникло в моем сознании применительно к тому легчайшему парашюту, на котором была нарисована моя душа). Он извинился, признавая вину за мое страдание. И выразил недоумение – причина происходящего была непонятна ему самому.

Тем же странным и легким способом я задал Жуку вопрос – его ли я видел в прошлый раз?

«Вопрос не имеет смысла», – ответил Жук.

Тогда я спросил, кто он.

«Это долгий разговор, – ответил Жук, – и он не приблизит тебя к пониманию. Мы не от мира, поскольку мир есть наша запись. Все, что в нем есть – тоже. В Индии нас называли хранителями. В Вавилоне – библиотекарями. В Китае – небесными писцами. Когда-то у людей было распространено искусство, называвшееся «хохмат-га-церуф», и к нам приходили многие из вас. Но сейчас это умение выродилось, и человек у нас редкий гость...»

Он сделал что-то, ракурс моего восприятия изменился – и я вдруг понял, откуда и как возникаю.

Я уже говорил, что из его клюва-конуса бил поток золотистого света. Этот свет проходил через рисунок на прозрачном *пергаменте* как сквозь слайд – и создавал колеблющееся и дрожащее живое облако. Это облако и было мной.

Пергамент не был моим личным делом, хранящимся где-то в другом месте. Между нами не было никакой разницы вообще. Свет, бивший из клюва Жука, оказался не чем иным, как моим существованием, тем самым бытием, которое я воспринимал как свое собственное. Этот же свет был и моим сознанием – разницы между этими вещами не было никакой.

Несколько секунд я боролся с тошнотой и головокружением – и наконец научился видеть все это, понимать и как-то существовать дальше (на самом деле это зависело не от меня, а только от света в клюве Жука – но именно в этом и заключалась тошнотворность переживания).

«Почему ты создаешь мою боль?» – спросил я Жука.

«Это зависит не от меня», – ответил Жук, и я ощутил предельную учтивость, даже сострадательность его ответа.

«От кого же тогда?» – полюбопытствовал я, дав понять, что вижу отчетливо: между исходящим из его клюва светом и мной нет разницы.

«У нас записано, – ответил Жук, – что тебе перетянули *каркас*, спасая тебя от смертельного недуга. А ты почему-то стал несчастен».

Все эти примерные – и неизбежно неточные – переводы распускались в моем сознании вокруг того, что он выражал одним кратким и точным мановением ума.

«Что это за *каркас*?» – спросил я.

«Как бы скелет твоей судьбы. Он сделан из особых волокон. Каркас подобен...»

Он послал мне в голову два образа – лыковый лапоть и корзина, сплетенная из прутьев.

«Из чего эти прутья?» – спросил я.

«Из букв, – ответил Жук. – Из букв и слов».

«А откуда слова?»

Ответ пришел не сразу – вернее, я не сразу понял, что это ответ. Мне показалось, что я вижу ночное небо, кишашее огоньками – словно бы в нем летали разноцветные светляки. Жук дал понять, что это универсальное хранилище, полное разными смыслами из прошлого, настоящего и будущего.

«Вот здесь мы дерем свое лыко», – пошутил он.

Дальнейшее Жук объяснил наполовину словами, наполовину образами: в каждом каркасе есть слова и буквы нескольких языков: изначального, вечного, древнего, живого и внешнего, то есть в моем случае человеческого. Слова и буквы находят друг друга сами. Причина моих проблем вряд ли в них.

«Могу я увидеть свой каркас?» – задал я вопрос.

«Зачем?»

«Прочитать его. Раз он из слов».

Жук выразил недовольство – для него в моей просьбе содержалось что-то унижительное. Это было примерно как попросить художника показать холст под краской.

«Но мне очень-очень плохо, – объяснил я. – Пожалуйста. Пожалуйста».

Жук скорбно согласился.

Прямо перед моим лицом вывесилось что-то вроде темного плата – и на нем (вернее, в нем) появилось то, что Жук называл *словами*.

Это было похоже на модель молекулы, собранную из разноцветных атомов – какие показывают в научно-популярных клипах. Только на месте атомов были *слова*. Они не слишком походили на обычные: большая их часть представляла собой просто мерцание разного цвета и интенсивности, довольно красивое – словно я глядел в бинокль на ночной зимний город и видел омытые оптикой пятнышки далеких огней. Еще это походило на светящуюся голограмму, все время возни-

кающую в новом ракурсе.

Я понимал смысл этих *слов* очень смутно. Они имели отношение к актам воли и привычкам ума и были предначертаниями и командами.

Потом я стал замечать другие *слова*, невидимые, похожие на сгустки тьмы: их функция была в том, чтобы искривлять судьбу, тормозить или ускорять события, определять время проявления разных личных свойств и так далее.

Потом быстро промелькнули какие-то биологические символы – мягкие иксы, сложные двойные спирали (я вспомнил, что так выглядит ДНК) – все было как на уроке биологии, за исключением того, что эти конструкции тоже казались теперь словами (или, точнее, жутковатыми древними заклятиями).

Затем я стал видеть в узлах этой решетки символы, похожие на иероглифы или знаки иврита. Они соединялись по два, три и четыре – и задачей их было привлекать, или, наоборот, отворачать различные влияния и силы.

Словом, это был очень странный коктейль.

А потом наконец я увидел слова, которые хорошо знал. Русские.

* * *

Выглядели они смешно – напоминали об анонимном доносе, склеенном из газетных обрезков: буквы были разной

высоты, толщины и наклона. Еще в них присутствовала какая-то бьющая по глазам обнаженная непристойность – или так казалось, потому что многие слова были написаны с ошибками, напоминавшими уродливый сетевой волапюк времен моей юности (возможно, впрочем, что это мой собственный мозг по неизвестной причине выбрал увидеть и прочесть их именно так).

Слов было много и они соединялись в сложную объемную конструкцию со множеством связей. У нее не было ни начала, ни центра – но зато ее можно было крутить во все стороны, почти как глобус, и тогда слова загорались передо мной по очереди, словно кто-то ломал одно гадательное печенье за другим:

**ЗОЛОТО – Лузерброкер – ГЕЙ! –
конспиролог – УПал на бапКИ –
ДВУЛИЧНЫЙ ОНАЛИТЕГ – голубой
альбинос – ЗОЛОТО – коммодитиз
– КСАУ – хуМИДор – cohiba – ваТТа
vs цивилиЗАЦия – ГОСПОДИ
ПОМИЛУЙ МЯ ГРЕШНАГО —?что с
золотом? – ЛАМБЕРСЕКСУАЛИЗМ...**

Увидев последнее слово, я вздрогнул. Оно казалось синим и вздутым, как гангренозная конечность. Что-то с ним было не так.

Все горящие вокруг него огни и незримо присутствующие сдвиги, все невнятные смыслы чужих языков и избыточно ясные смыслы языка родного были искажены и сплюснуты гравитацией этого словесного монстра.

Слово «ламберсексуал» уже попадалось мне в каком-то серьезном идеологическом журнале типа «Gay Quaterly». И я даже помнил примерно, что оно значит.

Так называли стильных ребят с большой ухоженной бородой. Обычно они уезжали в счастливую даль на «Харлеях» – в хемингвеевском свитерке, подвернутых джинсах и замшевых берцах, а с крыльца лесного домика им прощально махала дивной красоты девушка/юноша/ трансгендер с вязанкой заснеженного хвороста на загорелом плече. Условное пространство, где жил, боролся и любил ламберсексуал, называлось в фэшн-дискурсе «pseudo-outdoors»²⁰.

Кажется, «ламберсексуальность» была просто технологией вывода большой окладистой бороды из мглы обскурантизма для прописки в современности. По зрелом размышлении можно было увидеть здесь экспроприацию и размывание одного из важнейших мусульманских идентификаторов: скорей всего, «ламберсексуальность» изобрели в одной из дубайских фокус-групп ЦРУ в пику воинам пророка – а мы, как обычно, узнаем об этом через тридцать лет. И это все, что приходило мне в голову.

Поскольку у меня никогда не было желания завести насто-

²⁰ Псевдо-открытый воздух.

ящую бороду – я предпочитал двухмиллиметровую щетинку – я никогда, никогда в жизни не применял этот термин к себе. Но Жук уверял, что он содержится в моем *каркасе*. И я уже начал понимать, как именно...

Все эти мысли пронеслись сквозь мой ум – и отправились к Жуку.

«Данное слово *не развернуто*», – отозвался тот – как мне показалось, с удивлением.

Я захотел узнать, что это значит.

«Слова *каркаса*, относящиеся к внешнему языку, определяются через другие внешние слова. Это слово не прошло подобной процедуры, поскольку было *развернуто* само в себя, то есть определено через свои собственные составные части... Своего рода технический сбой, некачественное *вязание лыка*. Вот как это случилось...»

Я увидел что-то вроде короткого ролика. Сперва передо мной мелькнул черный человек-медуза, наполнив меня страхом. Но он сразу же исчез – и впереди появилась конструкция:

– LUMBER/XAU – HOMOSEXUALISM –

С ней стало происходить что-то странное: она задрожала, начала загибаться внутрь себя, а потом ее центральный кусок вдруг словно выбило молотом. Слово «lumber» состыко-

валось с обломком «sexualism», склеилось с ним – а затем превратилось в уже знакомого мне кириллического монстра. Это было похоже на снятое с высоты крушение поезда, вагоны которого вминаются друг в друга, а потом переворачиваются все вместе.

«Сейчас мы это исправим...»

На черном плато передо мной осталось только слово «ламберсексуализм». Оно вновь разделилось на две половинки, связанные чем-то вроде живого дефиса: «ламбер» и «сексуализм». Над первой половинкой возникла английская первооснова «lumber», мгновенно обросшая деревом коннотаций – на его веточках висели топоры, доски, бревна, бензопилы, и все прочие фетиши моего воспаленного ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.